

СОДЕРЖАНИЕ

МОЖНО ЛИ СПАСИТЬСЯ ТОЛЬКО С ПОМОЩЬЮ БОГА?

Алексей Варламов

Договор между Творцом и творением
невозможен 3

Протоиерей Михаил Васильев – Павел Демидов

Инициатива – это первое,
с чем мы идем навстречу Богу 4

Иерей Михаил Шполянский

Субъективные заметки
Верить, любить, надеяться и молиться,
чтобы не утонуть в житейском море 8

Лариса Беляева

Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста. 10

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Галина Лебедина

Семь дней вне Земли 12

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Гузель Агишева

Крест Никиты Голейзовского 15

МИР ВОКРУГ НАС

Дмитрий Шеваров

«А главное – вот что...» 19

Павел Демидов

В каждом – частица нашей общей истории. 20

Людмила Бутузова

Ивановы пруды 24

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Марина Нецветаева

Два неба Игоря Сикорского 27

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров

«Где вечная заря над головой струится...» 30

Из стихов Аполлона Майкова 32

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров

«Земля ведь рай, и жизнь – тайна...» 34

ЛАМПАДКА 38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой

Корректор Т.В. Глазкова

На обложке фото
Г. Стин и А. Фирсова

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 12.07.2011

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы

Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 3010181040000000225

КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 1278
© Лампада, 2011

Договор между Творцом и творением невозможен На вопросы «Лампады» отвечает писатель Алексей Варламов

– Я думаю, что к известным поговоркам «На Бога надейся – сам не плошай» и «Береженого Бог бережет» трудно что-либо добавить. Никакого юридического разграничения прав и обязанностей между Богом и человеком не проведешь, договора между отдельной человеческой личностью и Создателем не составишь, у нотариуса не заверишь: времена Ветхого завета прошли, а в Новом, по справедливому слову митрополита Киевского и вся Руси Илариона, Закон заменила Благодать. Впрочем, есть люди, пытающиеся получить благодать по закону, – да только едва ли такое возможно. Поэтому, я думаю, каждый не просто верующий, но задумывающийся над своей жизнью христианин призван почувствовать личные отношения с Богом и те принципы, на которых они строятся. У каждого – свои. И общего ответа нет и не будет. Оттого меня смущают некоторые книги, касающиеся повседневной жизни христианина, где последние похожи на образцовых солдат с казарменных плакатов, служащих по уставу. Как на тех плакатах, так и в этих книгах, есть правильный образец, но нет образа, нет жизни.

– Можно ли представить модель жизнеповедения, предполагающую лишь упование на помощь Божию?

– Да. Но это будет приближение к юродству, отказ от себя, от своих страстей и интересов, готовность все принять без рассуждения, в том числе, безмерное страдание. На это способны по-настоящему единицы, а думают, что способны многие, и из-за переоценки

Если очевидно, что без помощи Бога, только собственными силами, спасение невозможно, то какова доля каждого – человека и Бога – в деле спасения? Существует ли вообще такое соотношение? Что «должен» делать Бог и что – человек?

духовных сил происходят срывы. Еще один вариант упования лишь на Божью волю, на сей раз доступный для всех, – жизненный форс-мажор, когда от человека немного зависит: тюрьма, тяжелая болезнь, личная катастрофа...

– Не есть ли названная выше модель всего лишь тайное желание уйти от ответственности за собственные поступки, переложив ее на Господа?

– Как раз в случае юродства, то есть жизнью за гранью всегда или какой-то жизненной пограничной ситуации, случающейся у нас иногда, эта модель вполне оправдана. На хорошей дороге ямщик управляет лошадьми, когда случается буран – бросает поводья и доверяет свою судьбу коням. Или другая конкретная ситуация: мне рассказал о ней мой хороший товарищ, вологодский писатель Александр Цыганов. Он как-то раз пошел в лес с маленьким сыном и заблудился. По-настоящему. А уже смеркалось. И тогда он спросил у сына: «Егорушка, куда нам идти?» Сын махнул ручкой в какую-то сторону, они пошли и мало-помалу вышли из лесу. То есть в обыденной ситуации взрослый ведет ребенка, в критической – наоборот. Только эти ситуации не надо путать. Не стоит уповать лишь на одного Бога, пока можешь что-то сам.

– Нет ли противоречия между свободой воли человека и волей (помощью) Божией? Ущемления первой в пользу второй?

– При правильном отношении – нет. Господь настолько сильнее и мудрее, что объективно это невозможно. Другое дело – как видится положение дел нам с нашим ущемленным, искаженным мировосприятием.

– Как ваша личная профессиональная деятельность – писателя, ученого, педагога – укладывается в русло вышеперечисленных вопросов?

– Вопрос о Божьей воле не столько профессиональный, сколько конфессиональный. Про ученых и педагогов говорить ничего не стану, а что касает-

ся писателей, наш брат обречен на то, чтобы с Богом ссориться. По крайней мере, в какой-то из продолжительных моментов своей жизни. Иначе был бы не писатель, а сразу святой. Меж тем в истории даже благословенной русской литературы, коя по натуре христианка, кандидатов в святые не сыскать. Борис Зайцев называл Жуковского, но я и в этом случае не слишком уверен, а что говорить про литературно-отеческий ряд от Грибоедова и Пушкина до наших дней? Без пушкинского «Дар напрасный – дар случайный» не было бы написано ни стихотворение «Отцы-пустынники и жены непорочны», ни «Капитанская дочка». А век двадцатый? В писателях того времени видишь невероятную напряженность, драматизм религиозной составляющей. Православное воспитание в детстве, отход, шатание, страсти, брожения в молодости и в зрелые годы и – возвращение к Богу на склоне лет. Но парадоксально и по-своему закономерно, что все самое главное, энергетически заряженное создавалось в момент удаления от Бога, бунта, неподчинения, и, напротив, умирение, умиление в сердце приводило к спаду творческой активности. Писатели – очень непослушные дети у своего Небесного Отца, но, может быть, тем Ему и дороги.

Фото Виктора Ахломова

СКРЕПЫ

Не дано человеку и невозможно искоренить грех собственной своею силою. Бороться со грехом, противиться, носить и принимать язвы – в твоих силах, а искоренить – Божие дело.

*Преподобный
Макарий Великий*

Отец Михаил и его координаты

55.785238° северной широты и 37.688849° восточной долготы. В этой точке земного шара вы почти всегда сможете найти протоиерея Михаила Васильева.

Почему именно в этой точке? Да потому, что именно в ней (Россия, Москва, улица Матросская тишина, 7) воссоздается храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы при Управлении 6 саперной роты в Сокольниках. А батюшка – его главный прораб и настоятель.

Почему «почти всегда»? Потому что у него есть еще и много других точек, где он столь же необходим. Синодальный отдел Русской Православной Церкви по взаимодействию с Вооруженными силами России и правоохранительными органами, где он – заместитель председателя, протоиерея Димитрия Смирнова. Построенные им и потому, как родные дети, московские храмы Преподобного Илии Муромца во Власихе и Пророка Илии в Сокольниках, иконы Божией Матери «Благодатное небо» на Кубинке, в Подмосковье, и в Омске – Святой Троицы. Не говоря уже

о бесчисленных поездках на воинские учения и в «горячие точки» (Косово, Чечня...), что порой едва не стоило ему жизни и принесло не одну боевую награду. И всё – лишь за какие-то тринадцать лет! А до этого...

Сын кадрового офицера становится студентом философского факуль-

тета МГУ, защищается на кафедре научного атеизма и почти сразу... принимает священнический сан. К слову, это не единственный случай, когда коммунистическая идея, что «Бога нет», приводила к прямо противоположным результатам и люди шли в Церковь. Вот уж поистине и врата ада не одолеют ее! (Мф. 16; 18).

Нареченный в честь архистратига всех ангелов и покровителя воинов – борцов за правое дело, Михаил, сам того не ведая, получил предопределение своей судьбы и своего жизненного пути. Мысль выдающегося религиозного философа А.Ф. Лосева нашла еще одно подтверждение: имя и суть человека – неразрывны. Сегодня отца Михаила называют в армии не иначе, как главным священником ВДВ.

Человеку невозможно в жизни без координат. Иначе – как его найти, безымянного? Как помочь, позвать, протянуть руку? Господу, понятно, всё возможно, но сам-то человек – подобен кораблю без компаса. С этими мыслями я пришел к отцу Михаилу. И вот такая вышла у нас беседа.

Павел Демидов
Фото В. Монастырева

Инициатива – это первое, с чем мы идем навстречу Богу

– Не противоречит ли православному учению о спасении поговорка «На Бога надейся, а сам не плошай»?

– Не думаю. Учение о спасении четко определяет участие Бога и участие человека в этом процессе. Поскольку Господь есть любовь, совершенно понятно: чтобы отвечать своему богородобию, человеку необходимо стремиться к умножению любви. В этом суть, смысл спасения. Если ты в состоянии совершать поступки, от которых умножается любовь, то, наверное, твоя жизнь имеет высокий смысл. Что касается поговорики: народная мудрость не возникает вдруг. Ее рождают опыт и духовное содержание жизни поколений. А последнее – это наша православная вера. Совершенно очевидно: бездействие – это грех. Если человек

в поте лица добывает хлеб насущный, сколько же ему нужно потрудиться для спасения своей души! А сколько усилий нужно приложить современному человеку, чтобы хотя бы только осознать потребность в этом!

– Почему именно современному?

– Да потому, что мы с вами настолько немощны, что любое духовное усилие дается нам с большим трудом. Духовная лестница, которая возводит нас от земли на небо, это не привычный нам лифт. Царство Божие, как известно, нудится, и только нудники могут войти в него.

– Человек, мы знаем, существо ленивое. А для спасения необходимо потрудиться. Но трудиться не хочется. И Господь здесь нам не помощник. Если Бог не идет на поводу у наших

желаний, не противоречит ли это свободе волеизъявления человека?

– В древней Церкви при поставлении клириков была каноническая норма, которая препятствовала рукоположению в священник людей, которые приняли веру во Христа под давлением тяжких жизненных обстоятельств, например болезни. Такие люди не могли занимать должности, сопряженные с ношением священного сана, именно потому, что их начальный выбор не был свободен. Итак, Господь уважает, прежде всего, нашу свободу. Свободу выбора между добром и злом. Но именно сво-бо-ду. Господь, уважая нас, лишь терпеливо ждет, когда мы сами найдем в себе силы обратиться к Нему. Не навязывая нам и, тем более, не заставляя нас эту самую помощь

принимать. Именно поэтому свобода всегда была краеугольным камнем нашей веры. Именно свобода делает нас, в отличие от духов служебных и других небесных сил бесплотных, действительно богоподобными. Этой свободой надо дорожить как величайшей ценностью.

– Раз Господь наделил нас богоподобием во всем, включая свободу воли, выходит, мы вполне самодовлеющи? Нам никто не нужен, даже Господь?

– Если родители не позволяют ребенку засунуть два пальца в розетку, они – что же? – лишают его свободы выбора или свободы воли? Или же это проявление любви? Так и Господь. Он никоим образом не помогает нашим глупостям, и в этом есть проявление Божественной любви, а не ущемление нашей свободы. Здесь нет прямой аналогии, ибо Господь начинает Свое действие в нас тогда, когда мы Его об этом просим, либо же когда мы своей жизнью признаем Его, верим в Него, любим Его, живем по Его заповедям. В этом случае Господь действительно приходит и помогает нам, скоропоспешествует, как говорят святые отцы. Божественная помощь заключается в том, что Господь не дает нам делать глупости, которые мы очень хотим сделать. Это чрезвычайно ценная, незаменимая и уникальная помощь. Господь не стелет для нас соломку там, где мы упадем, а просто делает так, чтобы мы в этом месте, по возможности, не оказались. Он жалеет нас, в этой заботе Он проявляет Свою любовь и даже долготерпение. Потому что обычно мы стремимся в 85-й раз наступить на одни и те же грабли. Что касается Божией помощи, то, еще раз повторюсь, она заключается именно в том, что Господь не дает реализоваться нашим глупостям. Это очень важно понимать.

– И тогда это не есть ущемление нашей воли. Так?

– Именно так. Делать за нас Господь не может, не должен и не будет. Потому что в этом случае мы сразу перестанем быть сынами Божиими по благодати, перестанем быть собственными людьми, какими нас задумал и сотворил Господь. Мы станем биороботами, киборгами, кем хотите, потому что мы не сможем сами, сознательно стяжать ту любовь, которая, возвраща-

ясь к предыдущему вопросу, и делает нас богоподобными.

– Но наша жизнь состоит сплошь из бесчисленных хотений...

– А должна бы – из бесчисленных преодолений.

– Это хорошо звучит в теории. На практике, к сожалению, получается иначе.

– Здесь без помощи Бога никак не обойтись. Но все при том же условии: волевого произволения со стороны человека.

– Так недалеко и до полной самодостаточности.

– Вы имеете в виду самость? Утверждать, что в самости изначально заключен грех, было бы, наверное, неправильно. Иное дело – в монашеской аскетической традиции. Когда человек, отвергая себя, принимает иноческий образ, меняя имя и облекаясь из ветхого человека в нового, – главное есть отсечение своей воли и подчинение духовнику. Здесь самость – синоним греха. В жизни же простого, обычного христианина, мирянина и даже священнослужителя, который не связан монашескими обетами, самость, на мой взгляд, есть как раз форма выражения своей веры, своей способности выбирать между добром и злом...

– Если под самостью понимать самостоятельность человека, ясность и твердость его жизненных позиций, его стремление их выражать и отстаивать?

– Разумеется, не ослиное упрямство, не жестоковейность, не тупое самомнение. Человек, обладающий самостью именно в том значении, о котором я говорил, способен на сознательный выбор. И это качество ни в коем случае нельзя в нем подавлять. Мы, священники, работая с паствой, призваны помогать людям в той мере, в какой они нам доверяют, и давать, как теперь часто любят говорить, не рыбу, а удочку. Сочетать свободу воли с самостью как формой выражения своей веры, – это и есть, наверное, жить церковной жизнью.

– Вот с этого места, если можно, подробнее и конкретно.

– Ну, например, не запрещать православному христианину посещать танцполы или созерцать в зарубежных поездках произведения искусства като-

лического толка. Этот ряд можно продолжать. То есть никоим образом не подавлять в человеке стремление познавать новое или общаться с другими людьми...

– Имеется в виду: с неверующими?

– Да, не замыкаться в своей профессиональной сфере, ибо это легко приводит к сектантству. Просто нужно придавать этому общению христианские формы.

– А это – как?

– Сегодняшнему человеку, хочет он того или нет, все равно с волками жить. А вот по-волчьи не быть – это и есть жить церковной жизнью. В моем представлении, христианские формы общения с миром концентрируются на главном, на вечном, на добром, никоим образом не вкрапляют сюда те ложки дегтя, которые могут любую емкость испортить. Вместе с водой не выплескивать и ребеночка. Если мы говорим о том, что человек сам несет ответственность за свои поступки, что человек способен совершать грех, а это действительно так, то это не значит, что его нужно лишить свободы выбора. Надо научить его сделать правильный выбор между добром и злом, воспитать его. В этом и заключается процесс формирования личности. Вначале это делает социум, делают родители, среда обитания.

– А какое место здесь занимает вера?

– А вера место не занимает. Вера вокруг вас, и вы в ней. Это как питательный бульон, вне которого невозможно существовать. Как воздух, без которого невозможно дышать. Все прочее – общество, родители, вы сами – все это существует только в контексте веры. Во всяком случае, для нас с вами, я имею в виду православных. С какого-то возраста человек уже сам несет ответственность за свои поступки. Если к этому времени в нем уже хотя бы теплится искра веры, своего рода вакцинация от греха, то есть надежда, что с помощью этого духовного иммунитета он сможет сознательно идти по пути, на который его поставили верующие родители, соответствующая литература, школа, где есть христианский взгляд на мир. На протяжении нескольких поколений архетип

русского православного человека воспроизводился в совершенно безбожной среде. Какое-то время некоторые люди еще сохраняли отношения, которые базировались на христианских ценностях и нормах морали. Как ни парадоксально, этому отчасти способствовала коммунистическая идеология. То же советское кино в своих лучших образцах было христианским по сути. Пусть без упоминания о Боге, но оно учило добру, бескорыстию, любви – тому, что называется вечными ценностями. Именно это позволяет нам сейчас показывать своим деткам советские фильмы, особенно мультяшки, читать многие советские книги, рассказывать о высших формах самопожертвования, например о войне. Приводя все это в пример как христианскую добродетель, хотя обрядовая, ритуальная составляющая православия там отсутствовала, мы до сих пор пользуемся этим нравственным багажом. Любые искусственные попытки реконструкции, не имея под собой исторической правды, оказываются лишь жалкими попытками мимикрии.

– *Это как раскрашенные советские фильмы. Мода такая появилась. Вместо того, чтобы делать свое, – попользоваться старым.*

– Да, именно сейчас мы видим, как начинают придумывать походы Сталина к Матроне или Крестный ход вокруг Москвы. Поиски новых, прежде, якобы, засекреченных фактов, открытие новых смыслов... Когда мы находим останки солдат Великой Отечественной войны и среди них нателные крестики или колечки «Спаси и сохрани!», они есть в музее при нашем храме, для нас эти предметы дороже, чем книжки, где рассказывают православные басни о Великой Отечественной. Намного дороже.

– *Интересно, что современное общество не забывает поругивать то самое прошлое, на котором успешно и с охотой паразитирует.*

– Почему же не ругать автобус за опоздание или недостаток комфорта, но затем прекрасно им же и воспользоваться? Критиковать всегда проще (грех осуждения!), что мы и делаем охотно, но надо признать, что сама возможность критики есть следствие

высокой степени внутренней свободы, которая обретена кровью новомучеников и жертвенностью многих поколений, что до нас исповедовали веру во Христе.

– *Вы произнесли очень важную, на мой взгляд, фразу: главное, живя среди волков, – не быть по-волчьи.*

– Ну, да.

– *Но мне кажется, что наш православный народ старается как-то обособиться, отгородиться. Телевизор смотреть не будем, газеты читать не станем... Делаем только то, что сказал нам батюшка.*

– Батюшки берутся не с Марса. Их не доставляют сюда в герметичной упаковке. Они выходят из того же общества. Батюшка так же включен в систему товарно-денежных отношений, у него есть масса житейских попечений, это не бесплотный ангел, который спускается из горнего мира на богослужение и после его окончания туда возвращается. Он такой же человек. И священнический сан не делает его автоматически ни святым, ни праведником. Это я к вопросу о бездумном послушании. Иными словами, о том, чтобы ничего не делать самому, не брать на себя ответственность, а полностью переложить ее на Господа Бога, в данном случае – через посредство батюшки. Если вы имеете в виду эту категорию людей, то они – никакой не православный народ. Они – носители, я бы сказал, социального инфантилизма, мимикрирующего под православие.

– *А кто же, по-вашему, может называться православным народом?*

– Я бы вообще с осторожностью оперировал этим понятием. Есть индивиды, в разной степени воцерковленные, в соответствии со своим образовательным и интеллектуальным уровнем, психофизическими особенностями – холерик, сангвиник и так далее. Они, допустим, очень по-разному определяют для себя степень хранения того же Великого поста, хотя все принадлежат к одной Церкви. Это правильно – не должно быть унифицированного подхода, как, скажем, в новгородском вече. Обязательно должны быть разные храмы и разные батюшки. Разные практики церковной жизни.

ни. Но православного народа, который в едином порыве жил по Домострою или каким-то иным нравственным и поведенческим нормам, думаю, вообще никогда не существовало. Просто когда-то таких людей, возможно, было больше.

– *Что же их объединяло?*

– Некий общий уклад жизни – крестьянской и христианской, некие общие привязанности, зависимость от системы меновых отношений в экономике, от общественных, политических процессов... Представьте: полностью зависимые от государя личности, которые могли быть дворянами, служивыми, дворовыми, но все в равной степени чувствовали себя холопами одного и того же государя и соответственно и животом, и имуществом ему принадлежали. Наверное, тогда единая монолитная масса национального государства была еще возможна. Я думаю, мы все же говорим о каком-то фантоме, мифе в отношении православного народа. Все равно: один пошел в ад, другой пошел в рай. Один блудил и таскался, несмотря на то, что это был XIV век, а другой жил жизнью праведной, молился и трудился. Чем дальше мы уйдем от лубочных картинок исторической жизни нашего народа, нашего государства, тем быстрее осознаем, что не все так плохо вокруг.

– *Честно говоря, неожиданный переход.*

– Отчего же? Очень даже логичный. Почитайте Василия Великого, который рассказывает современникам в своих письмах о том, что происходило в Золотом веке каппадокийских отцов, как жили люди, что там творилось, как они строили свои сложные отношения с Юлианом Отступником или с кем-то еще из правителей. В этом смысле, я думаю, нынешние руководители не хуже и не лучше тех, которые всегда на первое место, за редчайшим исключением, ставили личные амбиции, сребролюбие, властолюбие, а уже на какое-то по очереди место – формы христианского благочестия. И большое количество принявших мученический венец – это люди, иже от православных пострадавшие, начиная со святителя Иоанна Златоустого и закан-

чивая современниками, кто пострадал от церковных или светских властей, лишаясь ни за что если не жизни, то, по крайней мере, церковного сана, каких-то имущественных достояний. Время меняется незначительно. Меняемся мы сами. Приходят новые поколения, но исторический контекст примерно один и тот же. Как говорил апостол Павел, «похоть плоти, похоть очей, гордость житейская». Поэтому как называется колесница, на которой ты едешь: автобус, троллейбус, либо везет лошадка или мул – ничего не меняется. Речь, на мой взгляд, может идти о нравственном прогрессе в жизни конкретного человека. Говорить о нравственном прогрессе общества очень смело, говорить о нравственном прогрессе народа, по-моему, вообще нереально. Можно говорить лишь о конкретном человеке.

– Но разве не от конкретных прогрессов отдельных людей зависит прогресс человечества?

– Это механистический подход. Из миллиона мышей нельзя сложить одного слона, хотя по весу они будут даже превосходить его. Прогресс общества и прогресс личности – явления не одного порядка. Они живут и развиваются не по одним и тем же законам. Мы даже об отдельно взятом человеке не можем с уверенностью сказать, куда и как он движется. И то об этом можно говорить, когда его земная жизнь закончилась.

– Раз не говорить о нравственном прогрессе, то, наверное, неуместно говорить и о нравственном загнивании?

– Да, это в равной степени относится и к тому, и к другому. Как говорит замечательный батюшка отец Димитрий Смирнов, не будешь очаровываться – не придется разочаровываться. Эта духовная трезвость – норма жизни. Я бы рекомендовал написать ее и повесить за каждым свечным ящиком, чтобы люди понимали, входя в храм, снимали бы шапку, а не голову, то есть понимали бы, что Церковь состоит из людей и что Господь долготерпелив и многомилостив.

– Можно ли совершать поступки вопреки воле Божией?

– Больше того: мы их совершаем постоянно. И это тоже разновидность богоборчества.

– Обычно под богоборчеством понимается устоявшийся стереотип: глумление над святынями, выставки типа «Осторожно, религия!»...

– Это узкое и довольно примитивное понимание. Богоборчество – это противление воле Божией, в чем бы оно ни выражалось. Правда, надо сказать, что такая форма богоборчества, о которой говорим сейчас мы с вами, однозначно ко греху не сводится. Это, скорее, проявление нашей, человеческой глупости. Например, какой-то человек скудоумен. Генетика ли, родительское воспитание, школа... – кого винить? Но факт, что он не может сделать сознательный выбор, который стоит перед каждым человеком. Вина тут его или беда?.. Вина или беда человека, который живет, допустим, в Бангладеш и не знает о Христе? Кто ответит? Я – нет.

– Что, если жить, не проявляя никакой инициативы, полагаясь только на Бога, во всем сообразуясь с Ним?

– Что значит «полагаясь на Бога»? У вас есть постоянный, как это сказать, астральный канал общения с Творцом, вы получаете постоянно месседжи от Бога, в которых Он вам сообщает, дарницкий вам брать хлеб или бородинский? Как вы себе представляете? Отсутствие инициативы... Ты руку протягиваешь к прилавку и сам выбираешь, брать тебе мороженое с палочкой или без. Мне кажется, что инициатива – это первое, с чем мы идем навстречу Богу. Ищите – и обрящете, стучите – и вам отворят. Если нет желания идти по этому пути, не будет и этой мистической встречи. Ничего без инициативы не бывает. А тем более, встречи с Богом. Больше того, если человек аморфен, безынициативен, он уже не человек. Кто угодно, только не человек. Практически постоянно приходится выбирать между добром и злом, как стяжать благодать Божию. Что касается спасения, от нас вообще зависит очень мало и заниматься воспроизведением ситуации, которая сможет привести вас к спасению, будь то мученический венец или православный бизнес типа восстановления храмов, абсолютно неконструк-

тивно. Надо просто жить и действовать, а не заниматься выстраиванием схем, которые в аскетической практике именуется пустыми фантазиями.

– Применима ли к предмету нашего разговора притча о талантах? Ведь тот раб, которому был оставлен один талант, не украл его, не присвоил. Он просто ничего не сделал с ним и ждал хозяина. И что получил в итоге?

– Сам по себе талант – это сто килограммов серебра, его и без тачки-то не поднять. У нас же талантов, увы, не много. Может быть, вообще куда меньше той меры веса, о которой говорится в Евангелии. Однако тем выше и ответственность за то, как мы распорядимся тем, что имеем. Умеешь ты просто потерпеть свою непростую жизнь, не роптать, не унывать – вот он, твой талант. Способность терпеть – это навык, который может привести к очень многим добродетелям. Если ты видишь, что твоя страна спивается и создана система откатов (от инспектора ДПС до администрации президента), что разворовывается достояние, которое собирали твои предки, а ты утешаешь себя общехристианскими наставлениями о терпении, – твое поведение неправильно. Нужно делать что должно, и пусть будет, что будет.

– В смысле: а там хоть трава не расти?

– Нет, здесь смысл один: делай, что должно, несмотря ни на что. И спасешься.

СКРЕПЫ

*Та минута, которую
отнимает у вас лень,
есть, может быть,
последняя минута
вашей жизни, а за ней
смерть и суд.*

*Архимандрит Агапит
Нило-Столобенский*

Верить, любить, надеяться и молиться, чтобы не утонуть в житейском море

Есть такая богословская дисциплина, исследующая вопросы спасения и вечной жизни, – сотериология. Помните в Евангелии: «темная вода во облацех»? Иными словами, исследование того, что в глубинах, ведомо одному Богу. Что, кроме самого факта вечной жизни, ведомо нам, что знаем о спасении мы? Разве что спасение достигается через Господа Иисуса Христа: «Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1Кор. 15: 13,14). В таковое спасение мы веруем.

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11: 12). Только тогда можно надеяться быть встреченным спасающей благодатью Отца.

Для пребывания со Спасителем в вечности безусловно необходимы вера во Христа, Крещение во исполнение Его завета и – как столь же необходимый момент – присутствие в Его Теле – в Церкви. На этом пути требуется исполнение заповедей Иисуса и покаяние: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15: 14). Возможно, именно о таковых сказано: «Истинно, истинно говорю вам:

Существуют два образа веры: вера-знание и вера-надежда. Христианская вера знает, что Бог есть Троица, знает о Богочеловечестве Христа, о Голгофской жертве, о Воскресении Спасителя и о последующем всеобщем воскресении мертвых. Далее же простирается область веры-надежды. Однозначно понимаемого благовестия о загробной жизни нет. Не существует и единого догматического учения Церкви. В Предании надежда на спасение живет многообразно и полифонично. Для кого-то надежда вечной жизни достигает апокатастасиса¹, для кого-то ограничивается узкими, словно игольное ушко, вратами. Таким образом, каждый из нас имеет право говорить о том видении спасения, которое ему – в контексте святоотеческого учения – близко.

Что значит спасение для меня – как для христианина и священника? Пожалуй, хотелось бы верить в апокатаста-

сис, но слишком многому в Писании, да и в учении о человеке в целом, это противоречит.

Тогда – что? «В доме Отца Моего обителей много» (Ин. 1; 2). Это утешает. Но мне как христианину и священнику небезразлична судьба не только моя. Вспомним напутственные слова Воскресшего Иисуса: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк. 16: 16). Первые будут пребывать со Христом, последние (не верующие) – осуждены. А кто верует, но по той или иной причине не крещен? Возможно, среди «обителей многих» есть место и для них².

Итак, что необходимо для спасения? Достаточно ли спасающей благодати Божией или необходимо встречное усилие со стороны человека? Скажем только об очевидном. Спасение есть не произрастание, но возрастание. Достигается оно – как и любое восхождение! – усилием. Усилием в вере. О необходимости усилия говорит Писание:

² На это некогда обратил мое внимание наш крестный, магистр богословия, преподаватель МДАиС.

слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» (Ин. 5: 24).

Но не будем забывать: Христос пришел спасти всех людей и нужду во врачех имеют не здоровые, но больные. Как же стяжать спасение им? Достаточно ли жить по обитающему в их сердцах закону совести (см.: Рим. 2: 14,15)? Добро, любовь, милосердие, прощение близких³, как и другие человеческие добродетели, – разве не о них говорится в притче о Страшном Суде? Все так. Но жить по совести, «жить не по лжи» – это тоже труд, зачастую требующий не только усилия, но и подвига. Полнота жизни – это полнота жизни во Христе, которая возможна лишь для призванного в Церковь. Для человека, по той или иной причине жизни в Церкви не

³ «... и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6: 12), «если не прости каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18: 35) Показательна в этом плане святоотеческая история о нерадивом монахе: тот сподобился вечной жизни только за то, что никогда никого не осуждал.

обретшего, – эту полноту может как-то заместить жизнь в добре как попытка исполнения в себе образа Божия⁴. Господь ко всем простирает Свою спасающую длань, но всякому ли достанет упорства и труда, чтобы дотянуться до нее, а как иначе Он возведет Свое чадо к Небесным чертогам вечной жизни?

Должен сказать, что в жизни мне ни разу не приходилось быть свидетелем каких-либо очевидных явлений «потусторонней» жизни. Но вот один случай, сам по себе совершенно незначительный, интересен в контексте обсуждаемой темы. Произошло это на погребении трагически погибшего молодого человека, в одном из дальних сел нашего прихода. После окончания

⁴ При этом, думаем, «обратной» силы такое допущение не имеет. На пути спасения возможно восхождение, но не нисхождение, когда уже раз обретенное бытие в Церкви низводится по угрождению плоти к «простому добру» в забвении Бога. Кому больше дано, с того больше спросится: «... тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше. И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лк. 12: 47, 48).

богослужения ко мне подошла бабушка усопшего, старушка, всю жизнь прожившая в своем селе и, видимо, совершенно нецерковная⁵ (там никогда не было храма). Старушка спросила:

– Батюшка, когда вы с певчими пели, были такие слова: «Житейское море⁶». Мне не послышалось?

– Нет, конечно. Это поется на каждом погребении.

– А что это значит – житейское море?

– Хм-м-м-м... Ну, это значит – сама жизнь, жизнь – она как море, волны, бури.

⁵ Это было не дивно. Жители нашей местности – переселенцы, оторванные судьбой от родных корней и традиций, в том числе и в религиозной жизни. Не случайно в советские годы Николаевщина занимала первое место в Союзе по результатам антирелигиозной пропаганды. Даже в лучшие времена храмы были далеко не во всех населенных пунктах и многие, даже старые люди, за всю жизнь в церкви никогда и не бывали.

⁶ «Житейское море воздвигаемое зря напастей бурю, К тихому пристанищу Твоему притек вопию Ти:

Возведи от тли живот мой, Многомилостиве» – ирмос шестой песни канона, поющийся, в частности, во время службы погребения.

– А-а-а... Понятно, батюшка. Спасибо, что растолковали, – и отошла, явно удовлетворенная.

Позже я подошел к старушке еще раз:

– Скажите, а почему вас так заинтересовали эти слова?

– Да ночью мне внучок приснился, он мне сказал: «Житейское море я прошел благополучно, и пришел к тихому пристанищу; не переживай, бабушка, все хорошо». Вот я и задумалась – какое это море он прошел. А тут вы поете...

Этот случай со старушкой интересен тем, что говорит о возможности благополучного перехода «моря житейского» для человека не церковного, но, надо думать, доброго и добродетельного. Именно так отзывались об усопшем юноше односельчане: «Всем безотказно помогал».

В заключение скажем: мера труда, мера добродетели, необходимые для спасения человека, нам неизвестны (вспомним народную легенду о «спасительной» луковке). Об этом ведает только Господь. И то слава Богу! – это не дает нам повода судить, и тем паче осуждать ближних. Нам же возможно только верить, любить, надеяться и молиться.

Я пишу тебе в надежде...

Несколько слов о себе. Уроженец г. Уфы. Крещен во младенчестве, но почти до 30 лет жил (а жил ли?), не зная Бога, не задумываясь о вере, покаянии, исправлении души своей и жизни. В конце 90-х пришлось платить за свое бестолковое существование. Я потерял родителей, квартиру, развелся с женой, заплл и, в общем, опустился на самое дно. Наверное, Бог спас меня тогда тюрьмой. И через все беды, испытания, страдания тюрьмой же привел меня к Себе, к вере. В 2001 году в лагерьном храме в день своего тридцатилетия я впервые исповедался и причастился. С того времени несколько раз я освобождался из мест лишения свободы. Освобождался в никуда, поскольку ни родных, ни близких на воле не осталось. И каждый раз пытался найти решение всех своих проблем не в храме (Господи, прости мя!), а в стакане. Так что достойное приемлю по делам своим. Этот последний срок самый большой – семь лет за разбой (по пьянке). Надеюсь и верю, что он – действительно последний. Хотя и нигде никто не ждет, но надо налаживать жизнь с Божией помощью. А я верю – Он поможет через обстоятельства, через людей добрых. Только не надо от Него отворачиваться, отходить, «падать в стакан»... Работаю. Учусь в ПТУ на электромонтера. Хожу, как только время позволяет, в лагерьный храм во имя св. Анастасии Узорешительницы. В феврале впервые в жизни соборовался. Перед этим, Великим постом, исповедался и причастился. То есть стара-

юсь жить воцерковленно, раз уж называюсь православным христианином. Братья и сестры во Христе! (Я имею право назвать вас так?) Пишите, я буду ждать ваших писем. Читайте мои стихи, в них я вложил кусочек своей души. И вспомните меня в своих молитвах за здоровье. Раба Божия, грешника и разбойника Игорья.

Спаси и сохрани вас Господь и Богородица!

Игорь Михайлович Акимов

Господи! Прости мне эту слабость – Равнодушья и сомнений тлен. Закопал талант, а что осталось? Медные копейки на размен. Мама, я пишу тебе в надежде – Ты простишь меня? (В который раз!) За дела, что натворил я прежде, И за то, что не с тобой сейчас.

Я клянусь, что больше нет возврата К путаному прошлому пути К тем делам, что натворил когда-то. Я прошу одно: поверь. Прости... Зона. Церковь. Да утро воскресное. Я молюсь среди икон в тишине: «Как приидешь Ты в Царство Небесное, Вспомни, Господи, и обо мне!»

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Михаил Иванович Ножкин, 74 года, народный артист РСФСР, поэт, композитор</i></p>	<p><i>Олег Владимирович Ефимов, ответственный секретарь Всемирного Русского Народного Собора</i></p>	<p><i>Диана, 30 лет, переводчица</i></p>
<p>Что вы понимаете под спасением?</p>	 <p>Я бы ответил так – на Бога надейся, а сам не плошай.</p>	 <p>Отвечу словами Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».</p>	 <p>Спасение души. И, соответственно, наше желание попасть в рай.</p>
<p>Достаточно ли ваших собственных усилий, чтобы спастись?</p>	<p>Спастись духовно возможно, если ты приложишь к этому усилие.</p>	<p>Безусловно, недостаточно. Спастись можно только с помощью Божией.</p>	<p>Наверное, да.</p>
<p>Помощь Бога нужна в особых случаях или даже в повседневных мелочах?</p>	<p>Конечно, в особых случаях. Свои проблемы ты можешь решить сам, а в каких-то серьезных вопросах ты обращаешься за помощью. Молитву, которую ты обращаешь, наполни смыслом и нужностью.</p>	<p>Хорошо, когда эту руку чувствуешь постоянно, и потому ты уверен в своем выборе, когда твоя воля соединяется с волей Божией. Хорошо, когда человек идет за Господом.</p>	<p>Наверное, только в особых случаях. Я обращаюсь не часто. Если какая-то сложность, тяжелое состояние души – только тогда.</p>
<p>Как часто лично вы обращаетесь к Богу за помощью и всегда ли благодарите Его?</p>	<p>Я всегда благодарю, а обращаться стараюсь пореже, чтобы не беспокоить.</p>	<p>Наверное, воздыхаем все мы так или иначе в душе и, конечно, обращаемся часто и благодарим.</p>	<p>Достаточно часто.</p>
<p>Не испытываете ли вы неловкости, якобы отвлекая Бога своими просьбами?</p>	<p>Испытываю.</p>	<p>Это очень веселый вопрос. Но я думаю, что даже детки знают, что Боженька всегда рад, что к Нему обращаются и рад отвлекаться для всех нас от своих трудных дел.</p>	<p>Испытываю неловкость, отвлекая Бога своими просьбами.</p>
<p>Если случилось не по-вашему, это тоже помощь Бога?</p>	<p>Возможно, Ему просто не до этого или я не заслужил помощь.</p>	<p>Вот это те самые случаи, когда человеку нужно дать пинка, надо его за шиворот вытащить из трясины. Сначала возмущаешься, а потом понимаешь – вот оно, то самое.</p>	<p>Да, в любом случае, что бы ни происходило, воспринимаю как благо.</p>

<p><i>Сергей Авдеев, 47 лет, начальник информационного отдела</i></p>	<p><i>Андрей Александрович Тумин, 34 года, преподаватель Перервинской духовной семинарии</i></p>	<p><i>Надежда Степановна Абанина, 57 лет, пенсионерка</i></p>	<p><i>Татьяна Микитюк, 23 года, студентка</i></p>
			
<p>Ребенок – вот мое спасение.</p>	<p>Спасение от греха и вечной смерти. Спасение – это победа прекрасного над невозможным, добра над злом.</p>	<p>Соединение с Богом, стяжание благодати, как говорит преподобный Серафим Саровский. Когда человек становится селением Духа Святого. Это должно совершиться здесь, на земле.</p>	<p>Для меня это такое понятие, с которым я сама не до конца разобралась.</p>
<p>Думаю, что недостаточно. Нужна помощь.</p>	<p>Ну, конечно же, недостаточно. Смысл спасения заключается в том, что Бог Сам участвует в нашем спасении, мы только маленькой толикой соучастники его.</p>	<p>Ну, конечно, нет. Только с помощью Божией можно спастись. Если бы человек мог спастись сам, тогда не нужна была бы крестная жертва Спасителя.</p>	<p>Я считаю, что моих собственных усилий недостаточно, чтобы спастись. Естественно, нужны вера и надежда на Бога.</p>
<p>В особых случаях мы на нее надеемся, а раз мы призываем, то согласны с тем, что она нужна. А в повседневных мелочах сами разберемся.</p>	<p>Помощь Бога нужна как в особых случаях, так и в повседневных мелочах.</p>	<p>Без Бога не до порога. Без Меня не можете творить «ничесоже», говорит Господь. Во всем нужна помощь, и в мелочах тоже.</p>	<p>Я считаю, что помощь Бога нужна даже в повседневных мелочах.</p>
<p>Глупый вопрос. Можно подумать, что Он чем-то сильно занят. Нет. Раз уж Он нас создал, то пусть отвечает.</p>	<p>Обращаюсь лично не часто, но всегда благодарю. Я человек благодарный.</p>	<p>Нет, к сожалению, я такого навыка еще не обрела, чтобы всегда обращаться. И благодарить забываю.</p>	<p>К Богу я стараюсь обращаться постоянно, потому что возникают какие-то моменты, когда понимаешь, что тебе больше не на кого надеяться. К сожалению, не всегда сразу происходит осознание благодарности.</p>
<p>Нет. Если все делается по Промыслу Божию, какие могут быть неловкости?</p>	<p>Невозможно испытывать неловкость, якобы отвлекая Бога своими просьбами. Чувства неловкости не должно быть.</p>	<p>Это сложный вопрос, он такой двоякий. Здесь должна быть какая-то грань, мера, и каждый человек сам ее определяет.</p>	<p>Неловкость испытываю, когда чувствую, что прошу, может быть, не то, что мне полезно.</p>
<p>Как случилось, так и случилось. Будем в другой раз делать так, чтобы получилось по-нашему.</p>	<p>Это, как правило, очень трудно принять. Нужно большое смирение. Наверное, это осознается по мере духовного возраста и возраста вообще.</p>	<p>Да, конечно. Это или помощь Божия, или попущение. Все равно рука Божия.</p>	<p>Если получилось не по-моему, я считаю, что это Промысл Божий.</p>

Семь дней вне Земли

Записки паломницы

Все произошло, как обычно: еду в отпуск. Неожиданно и неслучайно – в монастырь.
– Поклонись от меня Преподобному, – кротко просит матушка из храма.

22 июля. Путь. Поезд на Петрозаводск. За окном – вдоль болотных курстарников – туман. Над хвойным лесом – слабо окрашенное лиловое небо. Так бы и нырнула в чашу. До свидания, Москва. Здравствуй, Лодейное поле. Рейсовый автобус подвозит нас к обители.

Свято-Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь.

Утренняя братская молитва. Открывают раку, и мы прикладываемся к нетленным мощам. Родился святой в 1448 году, 563 года назад, а рука его сохраняет температуру живого тела, 36,6.

Теплая!

Я верю в чудеса, привыкла жить рядом со святынями, но, сейчас, прикладываясь к деснице Преподобного, я вижу каждую морщинку на руке, отпечаток его трудов. Вижу и верю, но не понимаю, как это возможно. Как мог сохраниться даже ноготь. С этими мыслями я вернулась в гостиницу, что неподалеку от обители.

23 июля. В монастыре. Встаю рано на братский молебен, снова прикладываюсь к мощам. До приезда сюда я мало что знала об Александре Свирском. И – первое откровение! Оказывается, всего два человека на земле сподобились видеть Святую Троицу. Ветхозаветный Авраам и новозаветный Александр Свирский. «В нощи свет велий облиста тя и Три Мужа во одеждах светлых предсташа пред то-

бою, мир тебе дарующее и повелеваще, да устроиши тамо обитель иноческую и в ней храм во имя Святой Троицы» – поется в акафисте Преподобному. На месте явления Бога-Троицы часовня, где я беру песочек.

Выхожу из храма – передо мной легкими волнами темно-синее Рошинское озеро. Голоса монахов – «Кирие Елейсон! Господи, помилуй!» – кажется, звучат повсюду. «Кирие Елейсон!» разносит ветер над водой. Погружаюсь в воду, смывая московскую усталость, отяжелевшая душа словно просит освобождения от невидимых и видимых грехов. Как больно, что бедная моя Москва не может похвалиться таким же чудом. Освободятся ли когда-нибудь ее воды от мутной солярки и прочих прелестей цивилизации?

24 июля. Добрый Хозяин. Я почти освоилась. Уже привычно: утреннее братское правило, прикладывание к мощам, исповедь, причастие. Чувствую: душа начала оживать. Распускается, как бутон цветка. Подаю записки – на молебны, о здравии, об упокоении; поминую, всех, кто просил и не просил, у раки святого поведала все просьбы московских друзей и знакомых, поклонилась за тех, кто просил поклониться.

Мне казалось, я в гостях у доброго хозяина, который заботится о каждом шаге, предупреждает и выполняет каждое желание. Это чувствуется настолько явно, что мы с паломницей Надеждой не устаем удивляться. Он исполняет даже невысказанные желания, помогает и наставляет ежечасно, отвечает на наши недоумения и вопросы. Вы можете не поверить, но это так. Надежда сказала, что еще какое-то время можно будет пожить в монастыре в качестве трудницы. И тут же добавила: «Я за тебя уже договорила». Благодинный о. Георгий назначил мне послушание – мыть полы и следить

за порядком в храме. «Ну, это легко», подумала я, и перенесла вещи из гостиницы.

25 июля. Новая жизнь. Я живу в монастыре. Утром слышу, как огромный колокол собирает иноков на общее правило и молебны Матери Божией и Преподобному. Я понимаю: мне необходимо встроиться в общий ритм (не зря же «в чужой монастырь со своим уставом не ходят»). Пропустишь общее утреннее правило – не сможешь приложиться к мощам, так как их открывают только в это время. Отец Феодор терпеливо объясняет, как правильно прикладываться к святыне: не так, как мы – губами и лбом, но только губами. Он объясняет: лоб потный, а надо сохранить святыню для потомков. Я согласно киваю и... тут же прикладываюсь лбом. Инок мягко напоминает: губами, только губами.

В Храме Захарии и Елизаветы поток туристов и паломников: там копия Плащаницы и частица Креста, на котором был распят Господь. Свечи тают от жары, воск капает на пол. Я вооружаюсь веником и скребком. Мне приятно прибираться в храме, чувствую себя главной, даже сержусь, когда чьи-то ноги попирают соборный мой мусор.

Татьяна, старшая по храму, отзывает меня в сторону и говорит, что мы должны быть как тень, никому не мешать. «Прошла экскурсия – убрала, и снова тихо жди». Я сажусь в уголок под икону и тихо жду. Так проходит время до обеда. Мы опять пристроимся на краюшке общего стола, вновь будет сметана с подворья, ягоды, фрукты, рыба... все вроде обычное, простое, но до чего вкусно! Ем за двоих. Остановиться трудно.

СКРЕПЫ

Не делай зла даже в шутку. Ибо случается, что иной сначала шутя делает зло, а после и нехотя им увлекается.

Авва Дорофей

Не могу поверить! Живу в монастыре, за закрытыми воротами, а чувствую себя свободной, как нигде. Стоит о чем-то подумать, чего-то захотеть – и вот оно, уже перед тобой. Преподобный исполняет мои желания? Кто я ему?.. От его любви мое сердце умягчается. И я уже ничего не хочу, кроме его любви. Любовь святого, как солнышко, согревает мою душу. И сам он мне кажется солнышком.

Монастырь – это совсем другая жизнь. Жизнь у Бога. Так и хочется сказать: у Христа за пазухой. Все, в чем ты нуждаешься, Он тебе дает. Кажется, даже дни становятся длиннее, насыщеннее. Время здесь не течет зря. Оно наполнено высочайшим смыслом служения Богу и ближнему. Смысл жизни здесь словно освящен явлением Святой Троицы.

На вечерней службе отец Георгий благословляет и пронзительным взглядом смотрит мне в глаза, словно угадывает мое состояние.

– Улыбайся, – говорит он, – ведь улыбка – это флаг корабля.

Вот еще! Я приехала грехи отмаливать, мне не до улыбок. Подошла женщина, спросила, как называется икона. И я в ответ расплылась в улыбке.

К восьми вечера, после мытья полов, я едва держалась на ногах.

26 июля. Аленький цветочек. Я заболела. Пот градом. Кажется, температура, но уже заказано такси в Покрово-Тервинический монастырь. Мои спутники смиренно терпят мой кашель и насморк. Представляю, как ково им, если я себя терплю с трудом. Наконец-то, доехали, я выползла из машины и увидела дворец из детской сказки. Белые стены окружают возвышенность, которую венчает эта чудная обитель. Тишь и благодать. По берегам ни строений, ни жилых домов. Боже, как Ты заботишься о верных Своих дочерях, прячешь их от мира! А Пресвятая Богородица укрывает их Покровом Своим от гостя незваного и глаза неверного. Остаться бы здесь, вдали от суеты

мира, от всего, что тяготит совесть и душу. Монастырь – умирание для мира? Значит, умирание для греха.

Перед отъездом молодая красивая инокиня открывает нам чудотворный образ Божией Матери и мощи святых Урсулы и Лукии. Мы покидаем монастырь с прекрасным ощущением сердечной чистоты. Надолго ли оно сохранится в нас?..

Конечно же, только по молитвам святых мне достало сил на оставшуюся часть пути. В Введено-Оятском монастыре мы

менно станет красивым принцем». Не обо мне ли эта сказка? Не о нас ли?

Мы возвращаемся к Доброму Хозяину, как к себе домой. За послушание я выпиваю четыре кружки заваренного Иван-чая и засыпаю с мыслью: «Господи, кто же полюбит такое чудовище, как я?»

27 июля. Важно, с каким сердцем. Утром подняла себя, как флаг на корабле: по команде, правда, без улыбки. Делать не хочется ни-че-го. Нарастает ропот, и я жалуюсь Преподобному. Открываю

акафист и вдруг читаю: «Радуйся, ленивых подвигнутый на исправление твоими хриstopодражательными нравы». Сразу все по своим местам. Иду в храм и думаю: «Уже несколько дней в монастыре. Не пропустила ни одного правила. Вставала каждый день в шесть утра, а никакого исправления. Какая была, такая и осталась».

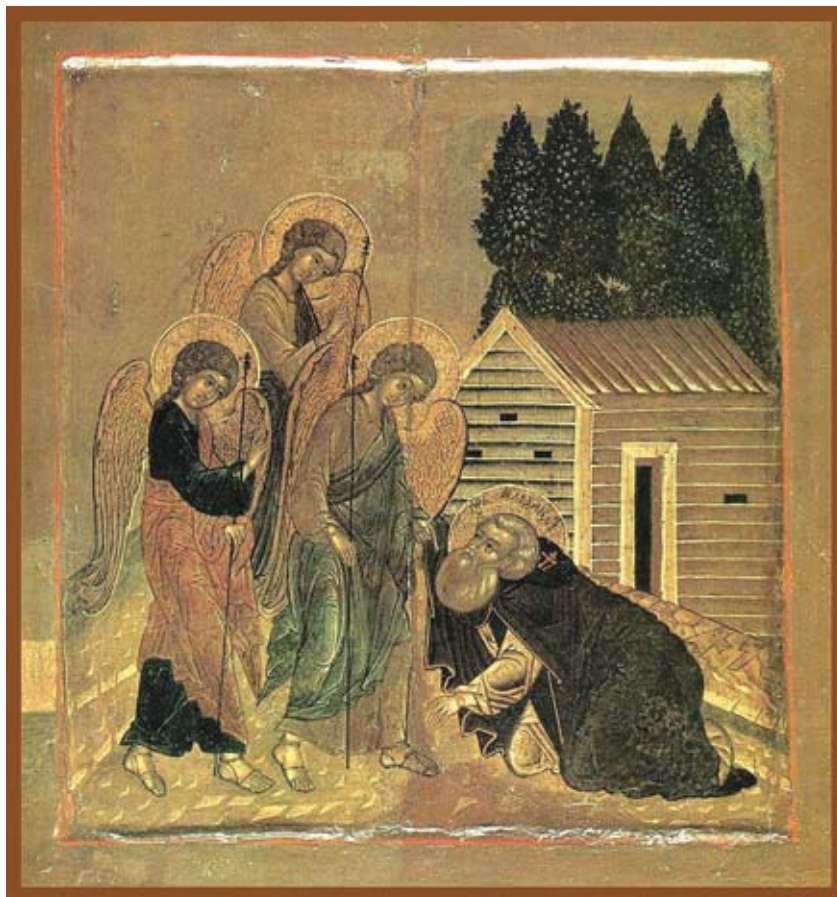
Отец Геннадий стоял, как страж, и снова наставлял паломников. И вдруг слышу: «Не важно, сколько раз вы прикладываетесь, Главное, с каким сердцем вы приходите. Благодать дается по состоянию сердца. Работать Господу надо».

Я тут же решаю работать. Сразу после службы мне поручают менять воду в вазах с цветами. Работаю на

совесть, от усердия выступает пот. Отец Геннадий проходит мимо меня и почему-то говорит: «Все хотят сразу святыми стать».

28 июля. Просто еще день. Мне кажется, что я тужусь изо всех сил, но отец Феодор, который дежурит у раки с мощами, вдруг говорит: «Да это все отец Геннадий лучше вас сделает». Выходит, все наши труды впустую?.. Может, и вправду, я ничего не делаю. Минут через пять голос у отца Феодора уже мягче: «Ты нужна здесь, когда приходит группа. А сейчас отдохай».

Пошла мыть храм. И вдруг – словно удар – мысль: я свободно хожу по святой земле, дышу чистым, необыкновенным воздухом, ем, пью то, что дает Господь.

Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому

молимся у мощей святых родителей Преподобного. И, словно прилив, душу заливают волна стыда. Каюсь, как обижала не только своих, но и чужих родителей. Каюсь, что в наше время утрачено благоговение перед родителями. Каюсь, Господи! Помоги мне исправиться.

В холодном радоновом источнике я все же омылась. Вроде полегчало. Смогла даже прислушаться к разговору седой монахини с юной послушницей в книжной лавке. «Ты читала эту книжку?» – «Да». – «А я в который раз перечитываю». Только собралась спросить, как пожилая насельница повернула ее обложкой ко мне – «Аленький цветочек». И, словно предваряя очевидный вопрос, пояснила: «Если кто полюбит чудовище, оно непре-

Вспомнила: один мой знакомый как-то сказал, что хочет быть свободным и независимым. Но ведь ты же погибнешь без Бога, как без воздуха, ответила я ему, как рыба без воды, как птица без неба. Все это богатство дает нам Бог. Разве мы это помним? Разве благодарим?

29 июля. Слава Богу за все. Приехали постоянные трудницы: Галина, Любовь, Тамара с дочкой. В комнате – полный комплект. Нас с Татьяной переводят на другую работу – мыть окна в новом корпусе. Здание большое, стекла после ремонта заляпаны краской. Надо успеть до вечера.

«Не вымоем и за месяц», – поскуливаю я. «Если за послушание, – успокаивает коллега Иван, – Господь даст и силы». Навестил отец Георгий: «Как настроение?» Улыбаюсь: «Слава Богу за все». Вспомнила его наставление: «Улыбка – это флаг корабля». Работаем допоздна, и в наши светлые, чистые окна льется «Кирие Елейсон!» и разносится по монастырю, и плывет вдаль по святому озеру, и невольно льются слезы. От радости, от счастья. Слава Богу за все.

30 июля. Память Преподобного. С высоко поднятыми веточками мяты идем Крестным ходом вокруг храма. Впереди на крепких руках монахов Преподобный, его святые нетленные мощи. Сегодня празднуется его память.

История второго обретения мощей удивительна. В декабре 1918 года боль-

шевики изыяли мощи из монастыря, и только 30 июля 1998 года их нашли в военно-медицинской академии Санкт-Петербурга. Начались исследования, освидетельствования, экспертизы для установления подлинности находки. Были приглашены антрополог, анатомы, тоματοлог, химики. Неистлевшее тело, в особенности лик Преподобного все еще вызывали сомнения. Когда же было получено разрешение отслужить молебен у мощей, Преподобный на все вопросы «ответил» просто – мощи замироточили.

Был настоящий праздник. Нам разрешили подняться на колокольню. Звонарь ударил в колокол. И долгий, гудящий гул разлился по земле. Снова ударил колокол – звал к празднику. Кажется, душа сейчас устремится ввысь на крыльях этого звука.

Вечером Галя торжественно объявила: «Отец Георгий благословил искупаться. Сказал: вперед и с песнями». А так оно, между прочим, и вышло. По дороге мы зашли в старый монастырь, где Божия Матерь явилась Преподобному. Отец Павел открыл для нас храм, входить туда надо было без обуви. И мы, скинув свои башмаки*, окунулись в полумрак, где горела одна лампада.

Давайте споем, предложил кто-то. Откуда что взялось! – наши голоса стали такими красивыми... Лились сло-

* См.: Исх. 3: 5. Обращение Бога к Моисею: «Сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая».

ва святых молитв, сердце переполнялось неизъяснимым чувством. Там, в сыром, полуразрушенном монастыре, сами собой обновлялись фрески. Очевидное чудо... Мы вышли тихие и чистые. Когда твоя душа поет и молится, она прикасается сердцем к этой чистоте. И на ней отпечатывается то, к чему она прикасается. Будь то святые мощи или молитва. Ничто не проходит бесследно ни для тела, ни для души. Ни доброе, ни злое. Ни поступок, ни мысль.

31 июля. Уехать, чтобы...вернуться. Мы с Татьяной прикидывали, как и когда ехать. «Преподобный все устроит сам», верила я. Прощаюсь с Алексеем. Тихий, славный, не очень разговорчивый мужчина. Сегодня еще послушник, через месяц постригается в монахи. Мы трудничали рядом. Улыбнулся на прощанье: «Галя, уходи в монастырь». Я тоже в ответ улыбнулась: нет, монастырь – это великий труд, я не смогу.

Во дворе около ворот стоял настоятель отец Лукиан. Я подошла взять благословение на обратную дорогу, но неожиданно для себя сказала:

– Благословите вернуться ... в монастырь. Чтобы исправиться.

Настоятель внимательно посмотрел на меня, осенил крестом и сказал:

– Получится.

Автобус возвращал меня в мир. Казалось, что меня не было на земле целых семь дней.

Гузель Агишева

Крест Никиты Голейзовского

Тридцать лет назад историк искусства Никита Голейзовский обнаружил архивные доказательства того, что приписываемый Рублеву иконостас из Успенского собора Владимира, Васильевский чин, на самом деле принадлежит кисти Дионисия. В те годы в нашем искусствоведении безраздельно господствовало учение Грабаря, и даже мысль такая считалась жизнеопасной ересью. Голейзовский же молчать не стал, доложил это во Всесоюзном НИИ реставрации. И стал в кругу искусствоведов «чужим среди своих», такой белой вороной. Но от убеждений не отказался, мужественно нес свой крест, продолжал работать в архивах. И победил: не только нашел бесспорные подтверждения своей правоты и таким образом опроверг пресловутый «метод Грабаря», но предложил новый подход к изучению наследия великого Рублева, который в корне меняет все наши представления о роли Преподобного в русском искусстве.

В нашей беседе ученый подробно рассказал о своих открытиях. А, так сказать, на десерт поделился одной почти детективной историей пятисотлетней давности, которая прямоком ведет к неизвестным науке рублевским иконам.

– Никита Касьянович, тридцатилетнее ваше «бодание» с коллегами – это пример того, как долго пробивает себе дорогу истина?

– Можно и так сказать. Хотя тридцать лет назад по многочисленным просьбам я выступал с этим докладом и в отделе рукописей ГИМ, и на «Рыбаковских чтениях» в Институте русского языка, и в ленинградской Академии художеств, и во Владимире – в Доме архитектора, и во Владимиро-Суздальском музее, и в музее Кирилло-Белозерского монастыря. Время было другое: все, что связано с древней Русью, иконами, воспринималось как бунт против марксистской идеологии и волновало самые широкие слои общества. Но в науке иногда людям начинает казаться, что они уже на все вопросы ответили, и только цитируй друг дружку, получай гонорары и радуйся. А тут приходит кто-то и опрокидывает эту чудную кормушку – кому такое понравится? Когда я шел в Третьяковскую галерею выступать на конференции, посвященной 650-летию со дня рождения Рублева, думал, что будет «как всегда».

– Могут засвидетельствовать: зал рукоплескал. Вопросы были, но возражений – ни одного! К вам подходили бывшие оппоненты, признавали

свои ошибки. И Геннадий Попов, директор музея Рублева, который вел заседание, высказался весьма благожелательно не только в ваш адрес, но и по поводу нашего с вами интервью для «Известий», еще год назад затронувшего болезненный вопрос об авторстве Рублева и тем спровоцировавшего это обсуждение.

– Вообще я несказанно рад, что отстоял истину, удалил, можно сказать, «краковую опухоль» из ошибочно приписываемых Рублеву икон. Теперь нам всем предстоит кардинально переосмыслить всю историю русской живописи XV – XVI веков. И приступить к выявлению подлинных «художественных особенностей» манеры Андрея Рублева.

– Кстати, о манерах. На выставке «Андрей Рублев. Подвиг иконописания», проходившей в Третьяковке в январе-феврале этого года, я купила солидный фолиант, где один искусствовед как раз и обвиняет вас в игнорировании «художественных признаков» письма Рублева.

– Он только повторил упреки, которые я слышу все эти годы. Поэтому я специально исследовал, на какие данные опирался И.Э. Грабарь, которого большевики в 1918-м назначили

главой реставрационного дела, когда он сформулировал эти свои «художественные признаки». Напомню, что из достоверных работ Рублева науке до сих пор известны только владимирские и звенигородские фрески. Но вместе с Рублевым над их созданием трудились и другие мастера, и объективных оснований для безоговорочной атрибуции тех или иных изображений как исключительно рублевских у нас не существует. Естественно, не было их ни у Грабаря, прямо-таки одержимого идеей открыть и датировать как можно больше шедевров кисти Рублева, ни у его коллег.

Как они «вышли» из этого положения? Опираясь всего лишь на единственно достоверные «живописные приметы» владимирских фресок, они принялись вылавливать в стилистически и хронологически несовместимых друг с другом иконах «художественные признаки», наиболее соответствующие сложившимся на тот момент представлениям о манере письма Рублева. При этом устилая свой путь множеством субъективных допущений и натяжек. Помимо сильно пострадавших «Троицы», Звенигородского чина и Троицкого иконостаса, действительно связанных с творчеством Рублева, Грабарь обратил-

ся к иконостасам московского Благовещенского и владимирского Успенского соборов, находившимся в храмах, украшенных фресками Андрея Рублева и еще не раскрытых от записей. Пренебрегая письменными источниками, он убедил коллег и самого себя, что в древности иконостасы всегда создавались одновременно с фресками и теми же мастерами. И датированные «иконы Рублева» посыпались на изумленную публику как из рога изобилия.

Собранные «с миру по нитке», по предвзятым «понятиям», без тщательных архивных проверок, эти «художественные признаки» легко прижились, потому что самой неопределенностью своей позволяли любому искусствоведу по-своему перераспределять авторство между Андреем Рублевым и его сотрудниками. Количество безграмотных атрибуций, сделанных этим «методом», продолжает и сегодня расти, дискредитируя нашу историческую науку и мешая развитию новых исследовательских методик.

– Неужели никто из современников не возражал Грабарю?

– В своем кругу возмущались многие. Например, в 1923 году выдающийся исследователь древнерусской живописи А.И. Анисимов в письме к Н.П. Кондакову писал о нем так: «Никто не отрицает его большой заслуги: в 1918 году он первым перекинул мост между Комиссариатом Народного просвещения и кругами русского образованного общества, заинтересованного идейно и искренне в спасении старой художественной культуры. Но самые открытия и непосредственное руководство ими никогда ему не принадлежали, потому что он до сих пор не научился разбираться в вещах, все делает и пишет с чужого голоса, а если принимается за что-либо самостоятельно, то портит безнадежно. Тем не менее, благодаря полной своей беспринципности и нахальству, он делает вид знатока и втирает очки невеждам, тогда как на деле остается не только дилетантом, но хуже – шарлатаном, выдающим за свои чужие мысли и слова. Конкуренции он боится пуще всего и потому сидит на материале, никому не давая им пользоваться».

– Оставим Грабаря. Но после него уже почти сто лет прошло –

куда ж искусствоведы все это время смотрели?

– Сначала эти его «открытия» были с радостью приняты, в них искренне поверили. Никто же не знал, как выглядели творения Рублева, но все очень хотели их увидеть. Время было такое, все были захвачены романтикой открытий, библиотеку Ивана Грозного искали... А потом эти «художественные признаки» вдалбливались молодежи почти 100 лет как последнее достижение научной мысли, и на всех экзаменах про них спрашивали. И по сей день то же самое, посмотрите учебные программы. Да я и сам вначале был твердо убежден, что Грабарь абсолютно прав. Но факты перевесили.

– И каковы эти факты?

– Их множество. Например, в начале 1980-х открылись летописные свидетельства того, что благовещенский иконостас, кем бы он ни был написан, в действительности сгорел в пожаре 1547 года. Тогда же, то есть через 120 лет после смерти Рублева, он был воссоздан псковскими и новгородскими мастерами «по древним образцам» и только в таком виде дошел до нас. Об этом Грабарь не знал. Как не знал и о том, что владимирский иконостас на самом деле происходит из московского Успенского собора, что он был создан знаменитым Дионисием совместно с попом Тимофеем, Ярцом и Коней в 1479 году, то есть через 52 года после смерти Рублева. Заказчиком его был духовник Ивана III – архиепископ ростовский Вассиан Рыло. До 1653 года находился в Москве, затем был разобран (и заменен другим, существующим поныне), перевезен во Владимир и между 1679 и 1683 годами установлен в местном Успенском соборе. До нас дошли детальные описания этого иконостаса и в московских, и во владимирских описях: в Москве их «сдали», во Владимире – «приняли», оба описания полностью совпадают вплоть до материала окладов икон каждого яруса. Во Владимире он простоял до 1771 года, когда его тоже заменили более современным, барочным. Тогда же наиболее сохранные «отставленные» иконы приобрели для своего храма крестьяне села Васильевского Шуйского уезда, откуда этот «Васильевский чин» был по указу Совнаркома в 1923 году вывезен в Мо-

скову. Там иконы расчистили, с тех пор они – с подачи Грабаря – экспонируются как произведения Рублева.

– Итак, «Васильевский чин» – это Дионисий?

– Несомненно. Андрей Рублев скончался в 1427 году, а на иконах васильевского деисуса изображены трое святых, канонизованных только в середине и второй половине XV века: митрополит Алексей, Никита Переяславский и ростовский епископ Иаков, а также ростовский же епископ Леонтий. Интересно также сопоставить почерк надписи на свитке в руке Иоанна Предтечи из Васильевского чина 1481 года с надписью на аналогичной иконе работы Дионисия 1465 года из деисуса Рождественского собора Ферапонтова монастыря: они полностью идентичны. Этот почерк – почерк Дионисия – не имеет ничего общего с почерком авторских надписей на фресках 1408 года во Владимире и не может принадлежать ни Андрею Рублеву, ни Даниилу Черному.

– А как вы докопались до истины?

– В конце 1970-х я готовил для испанской книгоиздательской фирмы альбом «Иконы древней Руси». Мой кабинет был завален черно-белыми фотоснимками, которые я сортировал и раскладывал в хронологическом порядке. И несколько раз ловил себя на том, что путаю фотографии икон из ферапонтовского деисуса работы Дионисия и снимки икон из так называемого Васильевского чина. Первыми на это удивительное сходство обратили внимание М.А. Ильин, В.А. Плугин и Г.В. Попов. И объяснили его эстетическими запросами заказчиков Дионисия, пожелавших получить от знаменитого мастера точные копии произведений Рублева. В XIX веке авторство Рублева считалось очевидным: кто храм расписывал, тот и иконы писал. Так считали, например, владимирский краевед Доброхотов, коллекционер граф Строганов и реставрировавший Васильевский чин художник Подключников. По той же причине вопрос: Рублев или Дионисий – не возникал и при Грабаре. Хотя для того, чтобы установить автора произведения, для сравнения нужна хотя бы одна его датированная работа, подлинность которой была бы докумен-

Образ Иоанна Предтечи: слева – из Васильевского чина; справа – из деисуса Рождественского собора Ферапонтова монастыря (авторство последней иконы установлено, это рука Дионисия).

Надписи на свитке в руке Иоанна Предтечи: слева – на иконе из Васильевского чина; справа – на аналогичной иконе работы Дионисия 1465 года из деисуса Рождественского собора Ферапонтова монастыря. Видно, что они полностью идентичны. Этот почерк – почерк Дионисия – не имеет ничего общего с почерком авторских надписей на фресках 1408 года во Владимире и не может принадлежать ни Андрею Рублеву, ни Даниилу Черному.

тально подтверждена, а сохранность красочного слоя позволяла судить об индивидуальных особенностях его манеры. Но ни одной эталонной иконы Рублева до сих пор не обнаружено.

– И «Троица» тоже под сомнением?

– Сомнения – в сохранности авторского слоя живописи «Троицы», их высказывали в разное время Сычев, Виктурина, Никифораки, Малков, Бусева-Давыдова. В 1960-х проводились исследования «Троицы» в УФ- и ИК-лучах. Работавший тогда в ГТГ реставратор Николай Кишилов, воспользовавшись отсутствием на иконе «саркофага», тайно добыл микропробу «голубца» с хитона среднего ангела. В химической лаборатории его уверили, что это ...берлинская лазурь – краска, открытая только в 1704 году. Но делать окончательные выводы о датировке и сохранности «Троицы» рано, нужно сопоставить данные нескольких независимых лабораторных исследований, выполненных на современном техническом уровне. И одними только «щадающими» бесконтактными методами, которыми пред-

лагает ограничиться руководством ГТГ, здесь не обойтись. Иначе будет как в той суфийской притче: помните, там продавец шашлыка потребовал, чтобы стоявший поблизости Ходжа Насреддин расплатился за вдыхаемый аромат? А Насреддин в ответ потряс кошельком и предложил продавцу послушать, как звенят монеты.

– Так что же, она никуда не годится?

– Сейчас много людей, для которых все измеряется деньгами. Они считают, что ценна только авторская живопись, если она хорошо сохранилась. Да, «Троица» была бы бесценной, даже если бы на ней вообще ничего не осталось, это ре-лик-ви-я. Такая же, как, например, «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, которая, как известно, вообще была полностью утрачена во время наводнения. То, чем мы сегодня восхищаемся, – результат полного восстановления, основанного на глубоких знаниях живописной манеры Леонардо и огромного массива информации об этой его работе, накопленного учеными.

– А как же наследие Рублева? Получается, что ничего у нас нет – ни

икон его руки, ни даже манеры его письма мы не знаем?

– Ничего подобного! Художественный почерк Рублева нам поможет установить другой великий живописец – Феофан Грек, и в этом состоит еще одно мое открытие. Известно, что в 1405 году он подбирал сотрудников для своей последней работы в Москве, над фресками Благовещенского собора, – мастеров, наиболее созвучных себе по живописной манере. Известно и то, что он привлек к этой работе не Даниила Черного, учителя Рублева, а самого Андрея. Более того: именно Андрею и своему духовнику, старцу Прохору, он доверил выполнение самых ответственных участков росписи – тех, что мы видим перед собой, входя под своды храма. А за собой оставил только «Апокалипсис» и «Корень Иессеев» на западной стене. Это обстоятельство не было учтено исследователями, но, согласитесь, оно весьма существенно, поскольку дает основание пересмотреть традиционные представления о «художественных признаках» рублевской живописи. Потому что означает, что не Даниил

Черный, а Андрей Рублев явился истинным преемником и продолжателем мистических традиций Феофана. И если так, то именно ему принадлежит одна из самых впечатляющих фресок владимирского собора – на северной стене жертвенника, с изображением ангела, ведущего младенца Иоанна Предтечу по молниевидным горным уступам, символизирующим ступени духовного восхождения...

Сама роль Андрея Рублева в русском искусстве оценивается сегодня совершенно неверно: Грабарь и его последователи сделали из него ретрограда, писавшего присмиренные образы, примерно в таком ключе, как сейчас пишут для церквей «в духе XVI века». Есть такой иконописец Зенон, в этом стиле работает... А Рублев был новатор. Это он провел в русской живописи ту реформу, которую начал Феофан. Он русифицировал феофановы приемы, смягчил его манеру. У Феофана явно остается византийский тип человека, все же рублевские типы – русские. Его новаторство видно по фрескам во Владимире, которые до нас дошли, особенно – на черно-белых репродукциях в том альбоме, который издала Третьяковская галерея к последней «рублевской» выставке. Там эти размашистые блики на лицах, которые пришли явно от Феофана, но которые большинство искусствоведов приписывает Даниилу Черному. Но тогда почему не Даниила пригласил к себе работать Феофан, а Андрея? Нет, все эти «феофановские» фрески, которые мы видим на стенах владимирского собора, это, конечно же, Рублев, об этом я хочу прокричать.

Надо наши представления пересматривать, перерабатывать заново. И всю многочисленную литературу о Рублеве, которая выходила со времен Грабаря – если ее сложить стопкой, сооруже- ньице получится выше Успенского собора – порубить в капусту и пустить на новую бумагу.

А иконы руки Рублева существуют, я уверен. Мы просто плохо их искали! По архивным источникам я неопровержимо установил, где находится по крайней мере одна из них: с 1914 года она хранится в Петербурге, в Русском музее. Благополучно пережила там все исторические потрясения. Она еще даже не расчищена, к ней не при-

касалась рука реставратора, представляете?!

– **Можете рассказать об этом подробнее?**

– Работая в архивах, я проследил интересную цепь весьма давних событий. Как известно, у Дионисия был сын Феодосий, тоже знаменитый иконописец. В синодике – приходной книге – Волоколамского монастыря имеется датированная запись о том, что в начале XVI века он передал монастырю несколько икон «Рублева письма Андреева цена двадцать рублей». Настоятель этого монастыря, преподобный Иосиф Волоцкий, был в то время в ссоре с последним Волоцким князем Федором Борисовичем: подписал завещание князя Ивана Борисовича, родного брата Федора, по которому вся его земля отошла не Федору, а великому князю Ивану III. История темная, Иван Борисович умер, заболев еще на свадьбе Федора, как и их мать, которая тоже умерла после этой свадьбы... А Иосиф тем самым сразу подружился с Иваном III, но приобрел злейшего врага в лице Федора, которому принадлежали и Волоколамск, и находившийся в 20 км от него монастырь. И тот стал мстить – наезжал туда регулярно и отбирал у монахов дорогие книги с миниатюрами и иконы. До нас дошло послание Иосифа другу детства, волоцкому вотчиннику Кутузову, где про это говорится. А однажды, пишет Иосиф, он забрал «иконы Рублева письма Андреева, что поставил у меня Феодосий». Те самые иконы. Однако в конце жизни Иосиф с Федором примирились. Между ними произошла встреча, о которой известно со слов ее очевидца, ученика Иосифа Саввы Черного, который описал ее в своем «Житии Иосифа Волоцкого». Он пишет: они примирились, и Иосиф подарил Федору «иконы Рублева письма и Дионисиева». Не исключено, что Иосиф символически подарил Федору как раз те иконы, которые тот ранее сам и отобрал у монастыря...

В 1513 году Федор умер, эти иконы, как и все имущество, перешли к его вдове, Анне Шуйской, последней Волоцкой княгине. Детей у них не было. А в 1519 году Анна уехала к себе на родину, в Суздаль, и там, в суздальском Покровском женском монастыре, постриглась в монахи-

ни с именем старицы Александры. И передала туда деньги и ...иконы работы Рублева и Дионисия, о чем также имеется запись в монастырской приходной книге!

– **Не тот ли это монастырь, куда знатные мужья ссылали своих неугодных жен?**

– Тот самый, основан еще в XIV веке. Василий III, к примеру, сослал туда свою неугодную супругу, Соломонию Сабурову. Она там была пострижена в 20-х гг. XVI в. и там умерла в 1525-м. А Василий III женился на Елене Глинской, и у них родился сын, будущий Иван Грозный... Но внутри этого монастыря нет ни одной церкви, которая не была бы ограблена при большевиках, и я сначала пал духом – решил, что все это погибло. Оказалось – нет! Потому что еще до революции, в 1914 году, по личному распоряжению государя императора Николая II более 200 икон, находившихся в суздальском Покровском монастыре, были для большей сохранности переданы в Русский музей, о чем в том же году написал московский журнал «София». И с тех пор хранятся там в запасниках, в отдельном дубовом шкафу, который был изготовлен специально для этой цели, и тоже по прямому указанию царя-батюшки.

– **Как давно вам это известно?**

– Давно. А с 1993 года об этом знают и сотрудники музея. Собственно, у меня не было плана посвящать их в это, пока я сам все не перепроверю. Хотел еще раз посмотреть все описи Покровского монастыря. Их известно всего восемь, разного времени, они хранятся в разных местах... Но в тот год я привез в Русский музей на экскурсию студентов, и в зале древнерусского искусства поведал им эту историю. Кто-то из музейных работников услышал, и по музею пошла волна, меня попросили сделать об этом сообщение. Зато я был допущен в святая святых, сам видел эти суздальские иконы, держал их в руках. Некоторые из них были в наше время расчищены и находятся в основной экспозиции музея. Первоклассные! Очень древние и в отличном состоянии. Но – не Рублев и не Дионисий, по всей видимости. Значит, то, о чем мы все мечтаем, еще там, в этом дубовом шкафу.

«А главное – вот что...» Ирина Стин и Анатолий Фирсов

В советское время в редком интеллигентном доме не было их фотоальбомов, выпускавшихся издательством «Планета». Все полвека совместной жизни Ирина Игоревна и Анатолий Васильевич провели в поездках по России. В 1960-е годы первыми из фотографов открыли людям неповторимость Русского Севера: Поморье, Соловки, Валаам... Они показали и красоту этих святых мест, и ужас разорения там, где за несколько лет до их приезда еще были лагеря для «врагов народа». «Что это у вас все

церкви в кадре! – бушевали в 1960-е годы рьяные начальники, отбрасывая снимки. – Вы же молодые люди! Фотографируйте новостройки!..»

Бывает, человек настолько растворяется в своей профессии, что сама его фамилия становится синонимом мастерства в его ремесле. И это замечательно. Но Ирина Игоревна Стин и Анатолий Васильевич Фирсов – совсем другая история. Да, они выдающиеся, давно признанные мастера художественной фотографии, но в этих словах – лишь предисловие к их судьбам. А сами судьбы выходят далеко за пределы профессии – за рамки прекрасного искусства фотографии.

Это остро чувствовалось в Ирине Игоревне. Фотография была лишь частью ее существа, ее души, ее яркой личности. В полной мере то же относится и к Анатолию Васильевичу, который по своей сдержанности и скромности чаще предпочитал держаться в тени, радостно отдавая первенство жене.

Ирина Игоревна Стин своим пребыванием на белом свете взламывала предлагаемые обстоятельства, нарушала

навязанные государством правила. Ее же правилами были стержневые устои, они шли из глубины родовой истории. Ирина Игоревна была последним осколком нескольких дворянских и казачьих родов, не уехавших после революции в эмиграцию и почти поголовно истребленных.

Беседы с ними я записывал в январе-марте 2010 года. Это было очень тяжелое время для моих собеседников. Состояние Ирины Игоревны ухудшалось с каждым днем, она уже давно не вставала, терпела страшные боли, каждый разговор давался ей с трудом.

Я старался не прервать ее ни вопросом, ни репликой, ни своими соображениями, а лишь слушал и записывал то, что спешила рассказать эта мудрая, благородная и невероятно мужественная женщина. Конечно, я готовил свои вопросы, но обычно Ирина Игоревна говорила: «Дима, давайте я расскажу вам о Поленово...». Или: «Сегодня ночью я поняла, что не сказала главное... А главное вот что...»

Ее рассказы – это больше, чем воспоминания. Это притчи пасхального человека – радостного и любящего,

жертвенного и благородного. Их хочется и перечитывать, и пересказывать, потому что все они – о чем-то самом главном в жизни.

В зените минувшего страшного лета, когда я спасался от жары в деревне, мне позвонил издатель Аркадий Григорьевич Елфимов и сказал, что вчера умерла Ирина Игоревна. Я посмотрел на календарь: вчера было 17 июля. И сразу что-то сверкнуло мне сквозь скорбь. 17 июля в церковном календаре – день памяти царственных страстотерпцев. А Ирина Игоревна так живо, искренно и преданно почитала последнего русского императора, как если бы имела

честь знать его лично.

Помню, в самом начале нашего знакомства я, рассматривая старинные снимки на стене, сказал «это было еще при царе» или что-то подобное. Ирина Игоревна тут же протестующе меня поправила:

– Вы что, Дима? Какой «царь»? Царь в сказках. А у нас – Государь! В нашей семье никогда не говорили «царь», а только – «Государь»!

Ту нить верности и чести, которую Ирина Игоревна открыто и отважно натягивала всю жизнь, она скрепила этим вечным узлом нам на память: 17 июля. Для всех, ее знавших, теперь это и день царственных мучеников, и день поминовения монахини Матроны (в миру – Ирины Игоревны Стин).

Анатолий Васильевич всего на 8 месяцев пережил супругу. Он скончался 9 апреля 2011 года на 80-м году жизни.

Дмитрий Шеваров
Некоторые материалы номера проиллюстрированы работами этих великодушных мастеров и прекрасных людей. Их фотографии помечены инициалами ИС и АФ.

В каждом – частица нашей общей истории

Жизнь, как известно, штука непростая. А у тех, кто прожил большую ее часть в стране под названием Советский Союз, а теперь Россия, – и подавно. С какого боку ни подойди. Если ты в высокой номенклатуре – постоянно пейись о том, чтобы тебя из нее не вытряхнули. Богат – опасайся завистников и конкурентов. Ну а коли не отмечен ни тем, ни другим, просто берегись всего, ибо защиты и помощи не найдешь ни у кого. Надейся только на Бога и на Его Церковь. Правда, для этого нужна вера.

Светлане Васильевне Куриловой (в девичестве Комаровой) уже за восемьдесят. Возраст и неизбежные недуги чуть утяжелили ее некогда летящую походку, затруднили шаг. Теперь она предпочитает письменный стол, но оно, может, и к лучшему: больше возможности писать, работать с документами, рисовать. Она вообще человек оптимистичный, тщательный и устойчивый, ее не так-то просто выбить из седла. Это я понял даже не столько из личного знакомства с ней, сколько изучая ее, не побоюсь пафосного слова, труд, посвященный исследованию родового гнезда Волынских – Воронцовых – Воронцовых-Дашковых – Любимовых – Богдановских – Камаровых (Комаровых)... Сегодня, в век торжества циничного прагматизма, занятие это наверняка многим увидится пустым, зряшным тратой времени и сил (а порой и средств). Многим – но не всем. К счастью.

Шестьдесят с лишним страниц, около двух с половиной печатных листов, – объем для биографического повествования вроде бы невелик, но это как посмотреть. Если самая ранняя дата, упомянутая в рукописи, это 1674 год (рождение Лариона Гавриловича Воронцова), получается, что генеалогическое древо Светланы Васильевны имеет возраст

Екатерина Романовна
Воронцова-Дашкова (1743-1810)

более трех веков. Крона его колышется в нашем сегодняшнем дне, а корни уходят... Но прежде – слово автору.

1989 год, март месяц. Я – в пансионате Вороново Подольского района Московской области. Гуляю по великолепному парку. Пруды, речушка, Голландский домик на берегу, дворец старинный с колоннами. «Чей это был дворец?» – спрашиваю. «Генерал-губернатор Москвы построил его после того, как сам сжег предыдущий, чтобы в нем не мог остановиться Наполеон. На стене же церкви во имя Спаса Нерукотворного оставил надпись по-французски. В ней написано: “Тебе здесь нет пристанища, злодей”». Интересный факт, думаю я.

Гуляя по парку, набрела на родник. Надо бы его нарисовать. Родник бьет, вырывается из земли около хвойного леса. Чистейший родник. У меня с собой этюдник и масляные краски. Я не художник, я – дилетант, поэтому бегущая вода родника получается плохо.

Рядом с пансионатом церковь. Пришла на службу, стою у входа. Смотрю, слушаю, ничего не понимаю. «Смотрю, но не вижу, слушаю, но не слышу». Тут прихожане, человек пятнадцать, стали в линейку. Молодой священник, иеромонах, как мне потом сказали, помазывает кисточкой людей. Не стесняясь своей дерзости, встала в конце линейки. Священник дошел до меня, посмотрел в глаза мои и отвернулся, не помазав. Как он понял, что я некрещеная, что на мне нет святого креста? Неведомо. Я растерялась, меня охватил стыд за то, что я не такая, как все русские православные люди. А потом – отчаяние за свою отверженность. Да, так, именно отчаяние за свою отверженность!

Через полтора месяца я приняла Святое Крещение, а еще через полгода стала петь в качестве ученицы на левом клиресе в храме во имя иконы «Всех скорбящих радость», что на Ордынке, в Москве.

Ровно через двадцать лет моя добрая приятельница, тоже певчая, Аида Сергеевна Баракчеева подтолкнула меня на изучение родословной нашей большой семьи.

Светлана Васильевна. Наши дни

Сегодня, когда уже порядком лет, с особой силой начинаешь ценить прошлое. Но как ценить то, чего уже не существует в природе, чего нельзя осязать, увидеть? Память? О, какой ненадежный водитель по лабиринтам былого!.. Иное просто просыпалось сквозь сито времени, а иное может оказаться таким обманчивым: кажется, что так, а выяснится – совсем иначе. Да и пора, в которую выпало жить нам и нашим родителям, до чего же она недобро распоряжалась нашим прошлым. Одним из нас приказывала напрочь его забыть, другим придумывала нужные ей версии и легенды. Homo soveticus, человек советский, должен был быть существом с чистого листа, в крайнем случае с листа рабоче-крестьянского, но уж никак не дворянских, купеческих или, того хуже, поповских кровей. Так удивляться ли тому, что Светлана Васильевна взялась за свое древо лишь теперь, на склоне лет, и, без преувеличения, подлинно совершила подвиг.

Лист бумаги размером с журнальную страницу. То, что изображено на нем, напоминает формулу строения вещества из учебника неорганической химии: стрелки связей между отдельными элементами структуры, пояснения к ним. Разница в том, что вместо атомов имена и фамилии предков и потомков, а в целом, можно сказать, это тоже структура – фамильного гнезда, общества, народа, страны. Стоит лишь задуматься, глянуть вокруг, вглубь себя, в прошлое. Главное – задуматься.

Первая, самая ранняя дата, как мы уже говорили, – рождение в 1674 году Лариона Гавриловича Воронцова. Последняя – 2010 год – Поленка Комарова (прежде написали бы: Каморова). А между ними...

Читаю у Светланы Васильевны:

Надо сказать, что наш родник семейный вначале был несколько замутнен событием, происшедшим с о. Алексием Николаевым (из Воронцовых), первым священником нашего рода. Дело в том, что о. Алексей, овдовев и оставшись с малыми детьми на руках, взял в услужение «девку», которую рекомендовал ему помещик соседнего села Воеводское и которую характеризовал как тихую, скромную, услужливую, имеющую хорошее для девицы поведение. Она всем действительно казалась именно такой, пока не родила в доме священника девочку, которую крестил сам о. Алексей, что свидетельствует о том, что он не является отцом ребенка, так как крещение своего младенца категорически запрещалось церковными канонами. Кто отец ребенка? Девица ответствовала, что не знает.

Еще и еще раз перечитываю клировую ведомость церкви села Семилей Саранского уезда Пензенской губернии от 1828 г. Внимательно изучаю документы дальнейшей трагедии в жизни о. Алексия. Очень жалею его – оказался без вины виноватым: руководство Саранского благочиния предложило лишить его священнического сана «навечно», с отбыванием епитимии в Саранском монастыре. Но после обращения о. Алексия в Священный Синод к его председателю императору Николаю I ему определили наказание – епитимию – всего на два месяца, с отбыванием ее в Пензенском монастыре.

Вот почти полностью его показание духовной консистории от февраля 1829 г.

Артемий Иванович Воронцов
(1748-1813)

«...Подлинно, была у меня девка Татьяна Александрова, принадлежавшая воспитаннику моим детям, подпоручику Петру Алексеевичу Палибину, но как я, по власти Божией, сделался вдов и, имея детей малолетних, то означенный кум мой, господин Палибин, из сожаления и по человеколюбию своему, пожаловал мне оную девку для призрения детей моих, и живши у меня. Я за нею никаких худых поступков не замечал и не видал до того время, как она родила в доме моем младенца, а, если бы я заметил за нею худое поведение, тогда же ее удалил бы. Благочинный же, Смирновский, в приезды свои по должности в дом мой неоднократно, и ту девку видел и знал, что она принадлежит господину Палибину и находится для шитья и мытья рубашек детей моих, и никогда не воспрещал мне, чтобы не держал оную девку. В чем и показал самую суую правду. Насчет же моего поведения, не токмо надеюсь получить от прихожан своих хорошую рекомендацию, но даже и от соседнего села Воеводского от крестьян имею одобрение, которую прошу принять и для оной видимости приобщить к делу.

К сему показанию села Семилей священник Алексей Николаев руку приложил».

Все эти переживания, терзания о. Алексия длились четыре года, очень уж строгие были в то время правила жизни священнослужителей.

Не правда ли, мало что изменилось в людях и их отношениях? В заключение истории об о. Алексии добавлю: оба его

сына сделались священниками, а дочь стал матушкой, поповской женой. Надо сказать, что род Светланы Васильевны простоял у престола, служа Богу и людям, полтора века. Так-то.

На одном с Воронцовым этаже времени – Артемий Петрович Волынский. Тот самый, кому декабрист Кондратий Рылеев позднее посвятит одну из своих «Дум». Чьи родовые корни уходят к первоисточку – князю Димитрию Михайловичу Волынскому, герою Куликовской битвы, женатому на сестре Димитрия Донского. Сам Димитрий Михайлович верой и правдой служил российским государям, за что был привлечен неоднократно, а в 1722 году еще и женился на двоюродной сестре Петра Великого. Какое отношение имел к роду Светланы Васильевны? Прадед первого священника – Алексия Николаева. «Того самого».

Однако и это не все, связанное с Волынскими. Артемий Петрович, войдя в силу при дворе, приобрел тайного врага в лице герцога Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны. Столкнулись две полярные по сути политические стратегии – прорусская (Волынский) и прокурляндская (Бирон). Вот как пишет об этом Светлана Васильевна:

Одно перечисление названий проектов говорит об огромном чувстве патриотизма, свойственном Волынскому: «О гражданстве», «О дружбе человеческой», «О приклячающихся вредах особе государя и обще всему государству», «Генеральный проект об улучшении в государственном управлении и проект

Воронцовы. 30-е годы прошлого века

о поправлении государственных дел». Много предлагалось им реформ: о широкой грамотности всех, для духовенства и дворянства – более широкая образованность в академиях и университетах. Реформы в правосудии, финансах, торговле и т.д. Впервые в русской истории им предлагалось создание профессиональных училищ для народа. А чтобы русские капиталы не уходили за границу и вращались в родной земле, Волынский считал полезным запретить русским купцам входить в торговые компании с иностранцами. Вот так! Не в бровь, а в глаз нашим современникам!

Кто победил в этом противостоянии? Догадаться нетрудно.

В апреле 1740 г. Волынскому запретили являться ко двору, а затем учинили над ним следствие, подвергнув домашнему аресту. «Дело» было передано в тайную канцелярию. Друзья – соратники Волынского, подвергнутые пыткам на дыбе, говорили то, что хотели услышать от них палачи, подтверждая самые тяжкие обвинения. В июне провозгласили приговор об отсечении головы Волынскому и двум его сотоварищам. Обе дочери Волынского были пострижены в монахини в сибирских монастырях, а малолетний сын его был сослан в один из отдаленных сибирских острогов, а после 15-летнего

возраста, должен был навечно отдан в солдаты в Камчатский гарнизон.

В ноябре 1741 года на престол вступила Елизавета Петровна, которая возвратила детей Волынского и все их имение оставила им. Артемия Петровича было не вернуть...

Как никогда не надо спешить с оценками, так не следует пользоваться какой-то одной краской при оцвечивании событий или поступков. Бирон – не только злой гений в судьбе этого рода. Внучка одного из Воронцовых, родная тетушка Светланы Васильевны, вышла замуж за потомка Бирона – Николая Ивановича, сердечного, чудного человека, и была с ним счастлива. Но вернемся к истокам.

Этажом ниже – еще новое имя. Да какое! Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова. Первая и единственная женщина президент Российской академии, ближайшая сподвижница императрицы Екатерины II. Нет энциклопедии, где не встретилось бы это имя. А Шуваловы, Нарышкины, Измайловы, Долгоруковы?.. Без этих людей история государства Российского ущербна. Их можно найти и у Карамзина, и у Ключевского. Есть они и в жизнеописании Светланы Васильевны.

Прелюбопытное сопряжение параллелей, которые, как известно, вроде бы не пересекаются. Масштабные

исторические полотна, многотомные и многолетние исследования ученых и писателей, стопы архивных дел в хранилищах: от федерального до районного, от специального до общедоступного, обнимающие века и века нашей жизни... Все это – история. И Светлана Васильевна и 65 страниц ее «Родника»¹ – тоже и, по сути, та же история. Достаточно только задуматься и научиться хотя бы чуть-чуть любить свое прошлое, как понимаешь, что ты связан с ним неразрывными нитями, что оно в тебе, а ты – в нем. Например, род Воронцовых и род Каморовых сомкнулись в начале прошлого века, до этого они шли, как говорится, каждый своей дорогой. Наша героиня – Светлана Васильевна – их внучка. Бабушка – Надежда Павловна Воронцова – выпускница Пензенского епархиального духовного училища, дочь последнего священника из Воронцовых. Александр Иванович Каморов – телеграфист, у него брат – псаломщик. Обыкновенные, ничем особым не отмеченные люди, но колесо истории слепо.

Дедушку не минула судьба миллионов советских людей – он был репрессирован по 58 политической статье. Ба-

¹ «Родник мой поколенный» – так Светлана Васильевна назвала свое семейное исследование.

Иван Андреевич и Мария Васильевна Каморovy. Прадед и прабабушка

Бабушка Надежда Павловна Воронцова (слева) с дочкой Ниночкой и ее няней. Начало прошлого века

бушка в связи с этим вынуждена была пойти на работу автозаправщицей, потом управдомами. Позднее я узнала, что и брат дедушки, служивший до революции псаломщиком в церкви села Тарханы Пензенской губернии, также был репрессирован. Помню его – высокого, красивого, голубоглазого блондина с вьющимися волосами, пришедшего в нашу московскую квартиру, помню радость и испуг моих родственников, встретивших его. Мне было в это время лет пять-шесть...

Мама моя – умница, круглая отличница в школе, окончила Менделеевский институт. Работала химиком-технологом на текстильной фабрике им. Петра Алексеева до 1 мая 1939 года, когда, схватив меня в охапку, бросилась на поезд, отъезжающий на Дальний Восток. Там, в Забайкалье, вначале на оловянном, затем на вольфрамовом руднике, мы прожили три года. Здесь застала нас война с фашистами. Окончание войны, этот радостный светящийся на льду и снегу праздник, мы встретили в порту Тикси, что на море Лаптевых в устье Лены.

«Мама, почему ты уехала из Москвы?» – спросила я однажды. Она ответила, что ее стали заставлять доносить на других людей – быть осведомителем. Угрожали. В результате – я училась почти каждый год в новой школе. Так мама убежала от угроз преследователей (которые, наверное, давно о ней забыли). Седьмой класс я окончила в Тикси, да и восьмой тоже, а девятый и десятый – в Комсомольске-на-Амуре, где жила у дедушки и бабушки.

Дедушку в 1936 г. выпустили после трехлетнего заключения, перекалфицировав обвинение на более мягкое, но вернуться в Москву не разрешили.

В Москву, в конце 1940-х, вернулась его внучка Светлана. По рождению, это был ее родной город, но предстояло сначала привыкнуть к нему, а уж потом полюбить. В той, послевоенной, жизни еще не знали обидного слова «лимита», или более деликатного «маргинал», или совсем беспощадного «гастарбайтер». В ту пору все еще были «единой, дружной, советской семьей», как пелось в песнях и звучало в партийных лозунгах. Если быть честным, так оно во многом и выглядело, а что у каждого на сердце... Бог весть. Светлана Васильевна не говорит о том времени с содроганием, как это принято теперь у многих. Хотя ей тоже досталось полной мерой. А у кого, собственно, «полной меры» не было или нет? Жизнь – это Поле чудес

только в Стране дураков.

Она с детства хотела стать астрономом. Но в Москве не смогла найти, где учат читать и считать звезды. Выбрала оптико-механический: казалось, все ближе к мечте. Реальность оказалась прозаичней. Но, видно, унаследовала: не менять однажды принятых решений. Это значит: не жить сообразно хотениям, не влиять в поисках удобств и удовольствий. Вполне христианское жизневосприятие.

Не успев оформить академический отпуск из-за тяжелой болезни, оказалась отчисленной, после чего выбрала другую стезю. Это был – тоже не слабо! – Технологический институт пищевой промышленности. Типичный путь советского ИТР (инженерно-технический работник). Сначала по распределению в Липецк, потом возвращение в Москву, аспирантура, защита диссертации, вступление в КПСС, работа в сфере экономики и информатики в атомной науке и технике, затем в Институте топливно-энергетических проблем... А потом та самая встреча с батюшкой, который, отказал ей в миропомазании, хотя не знал, что она не крещена. Помните, как она описала свое состояние? Точнее не скажешь.

Я растерялась, меня охватил стыд за то, что я не такая, как все русские православные люди. А потом – отчаяние за свою отверженность. Да, так, именно отчаяние за свою отверженность!

Это состояние с тех пор не оставляло ее, пока она не решила – креститься. В храме иконы «Всех скорбящих радость» на Ордынке она приняла Таинство крещения и вышла из купели другим человеком. Этому событию предшествовал любопытный эпизод. Незадолго до этого Светлана Васильевна сдала в райком партбилет и должна была получить новый. Креститься она уже решила и потому за новым билетом идти не собиралась. Но по привычке побаивалась: вдруг позвонят из райкома и спросят, почему это я не иду. До чего же во всех нас сидит, да и продолжает сидеть, страх! Но надев крестик, она почувствовала уверенность: и в самом деле, кого бояться, если за нас Бог?! Из райкома, правда, и

Первоклассница Светлана с мамой Натальей Александровной

не позвонили. Так Светлана Васильевна начала свою другую жизнь.

Мне кажется, известную евангельскую притчу о талантах можно применить и к такому явлению, как человеческая жизнь. Господь дает ее человеку. И смотрит, как тот ею распорядится. Зароет ли в землю в бесплотном ожидании чего-то или наполнит новым, прекрасным содержанием, обогатит и украсит ее. Это я к тому, что любая жизнь, равно и любая ее часть, зависит прежде всего от того, как человек использует данные ему Богом таланты. О Светлане Васильевне можно сказать так: она никогда не зарывала свой талант в землю, но старалась максимально использовать его в тех обстоятельствах, в каких ей доводилось жить. И едва эти обстоятельства изменились в наиболее благоприятную сторону, она тотчас воспользовалась и этим. Я имею в виду ее приход к вере и жизнь в Церкви.

Наделенная от природы сопрано довольно большого диапазона, она попросилась в хор. Ее взяли. Однако коллектив просуществовал недолго. Светлану Васильевну прослушал регент другого храма – Ризоположения на Донской – и неожиданно предложил самой подобрать певчих в левый лик. Вот и потекла ее жизнь по новому руслу. Новый ли талант открылся, еще ли одна грань прежнего таланта – так ли важна точность определения? Господь ведь все равно смотрит только на твое сердце, человек.

Древо жизни своих родов, подобное возобновленному трудами Светланы Васильевны, можно вырастить в саду жизни каждого. И тогда будет понятно, что в каждом есть частица нашей общей истории. И тогда каждому будет что любить и беречь.

Людмила Бутузова

Ивановы пруды

Орловский фермер Иван Невров газет не выписывает, телевизор не смотрит, поэтому при встрече всякий гость считает своим долгом просветить его насчет текущей политики. В этот раз в Москве политика текла в патриотическом русле – Госдума грозила научить россиян родину любить на выделенные из госбюджета 210 миллионов рублей. Сумма привела Ивана в ужас – не своим громадьем, а вообще тем, что деньги соседствуют с таким естественным чувством, как патриотизм.

СУМАСШЕДШИЙ ПАТРИОТ

Вообще-то, в этих местах воды нет, несмотря на характерное название. У Ивана на руках заключение областной геодезической службы двадцатилетней давности, где черным по белому написано, что из-за отсутствия на местности природных родниковых источников возведение водоемов нецелесообразно. Короче, деревню приговорили к участи пустыни Сахары.

– Хорошо, что я им не поверил, – говорит Иван. – И без того было мутно: ни прудика, ни кустика. Заваливающий пейзаж. Стал рыть. Вскоре все преобразилось.

Ну, не так уж скоро. Первый пруд Невров построил, когда ему было девятнадцать, шестой закончил к сорокалетию. Сейчас ему пятьдесят с хвостиком. И надо, как раз к юбилею, пруды у него отобрали хваткие предприниматели. Самый дальний им оказался не

– Я бы копейки не взял, – сокрушался он весь вечер. Емуникто и не предлагает. Хотя, честно говоря, если бы Ивану досталась хотя бы тысячная часть от суммы «на патриотизм», он бы окольцевал прудами семь деревень, страдающих от жажды. И тогда люди из них не уезжали бы, а уехавшие вернулись бы домой. Именно так случилось в родной Ваниной деревне Топки, в которой он на свою зарплату соорудил шесть прудов и продолжает этим заниматься, когда есть деньги на сольерку.

нужен, набросали камней, перерыли дорожку и бросили. Ваня восстановил былую красоту своего первенца, тайком, когда поблизости нет стражников, очищает и другие водоемы от тины, ремонтирует запруды.

– Бывает, что и побьют, – вздыхает он. – Опасаются, что вода за мной уйдет, потому и не подпускают. Но я терпеливый.

Это правда. За страсть к прудостроительству его метелили с самой юности, причем до крови, а Ванька еще и утешал недругов: синяки, дескать, пройдут, а пруд все равно останется.

Сейчас Никита полностью на стороне Ивана. Правильно, говорит, что он не отступился. Пруды пригодились: люди гусей развели, коров купают, да и самим помыться есть где.

ПЕРЕКРЕСТИ ЛОБ

У Неврова от тех крутых колхозных времен память осталась на всю жизнь. Во-первых, потому, что он и в самом деле был «сумасшедшим патриотом», нормальный просто не смог бы в перерывах между добровольным прудостроительством совершать трудовые подвиги ради мешка почетных грамот.

– Ничего другого не давали, – усмехается Невров. – А я страсть как хотел собственный трактор. Но сами знаете, какая пропаганда была: личное – по боку, смысл жизни – в борьбе за лучшее будущее всего человечества. Вот мы измордовались всем коллективом за счастье человечества, а в родном колхозе все хуже и хуже. В перестройку совсем рухнул. Я, правда, к тому времени уже прозрел, что со вселенскими масштабами надо завязывать, и окончательно переключился на пруды.

Хорошо, что прозрел вовремя, а то сейчас у него правый глаз совсем не видит. В темноте на прудах от трактора

отскочила какая-то железяка и воткнулась в висок. Врачи считали, что не выживет. Ваня выжил.

– Я тогда в Бога не верил, – говорит он. – Просто молился силам природы: земле, огню, воде. Если к ним с добром, они человека не бросают. Меня вот тоже вытащили. Быстро поправился и прямо с больницы – на городище. Я там накануне наткнулся на старую кладку – вроде, церковь была лет триста назад. Еще что-то – то ли купель, то ли сухой колодец, не до конца понятно, чистить надо. Приезжаю, а он полон, и вода все прибывает.

На радостях Иван не слезал с трактора сутки. Земли переверочал столько, что потом сам удивлялся, как он вообще вылез из такой глубины. Поехал спать умиротворенным. А ночью его поднял не то стон, не то голос. Иван понял: беда. Кинулся к пруду, который уже нарек «святым», а в нем ни капли, будто воды здесь вообще никогда не было. Деревенский батюшка ему потом сказал, что, не испросив воли Господней, затевать такое большое дело нельзя. На самом деле этот прудик был не таким уж большим – всего-то гектара четыре. До этого Ваня перелопатил почти 60 га бросовой овражной земли, проложил трубы, построил плотины – и ничего, Всевышний смотрел на это созидание сквозь пальцы. Однако Невров как-то сразу поверил, что со святым прудом без креста не справиться.

– Первый раз в жизни перекрестился, завел трактор, и дело у меня пошло, – рассказывает Иван. – Вообще на всех фронтах сложилось отлично. В фермеры ушел, заработал денег – провел дорогу к деревне. На другой год решил вопрос с газом. Еще два фермера сложились, помогли мне купить трубы, а я уж потом сам тянул отводы к домам. Односельчане теперь не мерзнут.

ОКРЕПЫ

Стоять и работать бодро, не обращая внимания ни на что, не давая себе падать, уходить в уныние, жить без деятельности, – то и будет подчинение воле Божией; а там – что ей угодно.

Равноапостольный Николай, архиепископ Японский

Фото Леонида Тучнина

Они на него молятся, ревниво выпроваживая из деревни всех особ женского пола, которые как бы ненароком прохаживаются возле невровских ворот. А сейчас уже и прохаживаться незачем. Иван подарил епархии свой дом, под монастырское хозяйство отдал земельные паи – свои семь гектаров и те, что достались в наследство от умерших родителей. Внешне ничего вроде бы не изменилось: Иван по-прежнему пашет землю на своем раздолбанном тракторишке, собирает небольшой урожай – так, чтоб хватало на хозяйственные нужды себе и подшефной деревне. Живет то у себя, в родительской хате, то за прудами в монастырском скиту, который сам же и построил на собственные средства, и стал там послушником. Иногда его видят в монашеской одежде, но расстался ли он навсегда с мирской жизнью – непонятно. Деревенские бабки уже тайком жалеют, что отваживали потенциальных невест – лучше бы осчастливил одну из них, чем подаваться в монахи.

– Была у меня женщина, – не таится Иван. – Ездил к ней с серьезными намерениями. Но ничего не получилось. Не из-за Бога – от Господа я никаких препятствий не получал. Пруды оказались очень ревнивыми. Я и уеду то на полдня, а к вечеру глядь – какой-нибудь обмелел. Перестал ездить – вода сразу пришла, и больше такого не повторялось.

Не знаю, верить этому или нет, но какой-то мистики вокруг прудов предостаточно. Например, мальков на развод здесь никто не запускал. Но однажды рыба пришла и кишела в прудах несколько лет на радость рыбакам-любителям. А потом, когда бывший Ванькин гонитель – председатель колхоза, заделавшийся ныне коммерсантом, нахально приватизировал чужие пруды в свою пользу, рыба так же внезапно исчезла. По инерции рыбаки еще года два пытались там что-нибудь выудить за 50 рублей в сутки, новый хозяин так же настырно запускал центнерами мальков – ничего, пять прудов совершенно пусты. Зато в дальнем, формально принадлежащем народу и потому бесплатном, пруду, откуда-то взялись карпики и караси с ладошку – за пару часов, перекрестившись, на уху надергаешь.

ДЕЛО О ДОСКЕ

Иван к уху совершенно равнодушен, хотя с берега к нему в скит с подношениями поднимаются почти все. Рыбу он иногда берет – монахам в мужской монастырь или на ужин гостям из дальних мест. Разные люди забредают: кто-то нуждается в хлебе, у кого-то душа мечется. Вторые Ивану более интересны.

– На хлеб сейчас можно зарабатывать, – сдержанно говорит он. – Спрашивают: как? Я уже устал уговаривать. Если ты не больной, не старей, самое выгодное – взять землю и делать на ней все, что хочешь. На словах соглашаются... Но кому-то просто неохота, а большинство отличаются элементарным неумением жить: день прошел – и ладно. Я вот даже в своей деревне не знаю почти ни одного двора, где бы кучей не валялся хлам, не было что-то сломано или наспех прибито. Если развал в доме, то почему? Сразу же разговор переходит на несчастную русскую историю, на вечные страдания рус-

ского человека. Когда ему заниматься доской, если мысли в такой глубине?

Ваня старается переживать поменьше: надо беречь сердце, два инфаркта перенес на ногах. Но не получается. Все равно обидно, что многие его ровесники или товарищи по колхозному несчастью мало что поняли за свою жизнь и мало чему научились. «Жить для себя» оказалось гораздо сложнее, чем страдать за счастье всего человечества.

– Самое ужасное – все быстро кончается, прямо чувствую, что время утекает, – вздохнул Ванюша на прощание. – Гонюсь за ним изо всех сил, а все равно – многое теперь не успею. Образование, например, уже не поправишь, семь классов всего окончил. Дальше райцентра нигде не был, Москву не видел. Не поеду уже, сосредоточусь на главном.

Счастливым человек. Залез в кабину и попылил по округе. Что-то опять требовало его личного вмешательства – то ли ревнивые пруды, то ли заскучавшие без своего пастыря старушки.

Тверская область

Марина Нецветаева

Два неба Игоря Сикорского

Мальчик спал и видел сон. Он шел по длинному коридору, устланному изумительным ковром. По обеим сторонам были двери, отделанные орехом, словно на пароходе. Сверху падал мягкий голубой свет электрических ламп. Пол под ногами слегка вибрировал, как во время качки. Но мальчик точно знал, что

корабль не плывет по волнам, а летит среди облаков. Утром он рассказал свой сон взрослым, но те лишь пожали плечами: «Человек еще никогда не создавал удачного летающего аппарата. Это несбыточная мечта».

Мальчику шел одиннадцатый год. На календаре значилось начало XX века.

МАТЬ, ОТЕЦ И САМОЛЕТЫ

Случись Игорю продолжить фамильное дело, ему все равно пришлось бы иметь дело с врачеванием – телесным ли, душевным или духовным. Глава дома Иван Алексеевич – профессор Киевского университета им. Св. Владимира, известный психиатр, доктор медицины. Медик и мама, Мария Стефановна (Темрюк-Черкасова). А дед мальчика – священник. Однако пятый ребенок в семье Сикорских почему-то выбрал небо. То ли сон тот пришелся в руку, то ли матушка сама забросила семя в душу своего чада. Именно от нее Игорь впервые услышал о летательных аппаратах Леонардо да Винчи, а его любимой книгой стал роман Жюль Верн «Робур-завоеватель», где рассказывалось о гигантском воздушном корабле.

В двенадцать лет Игорь построил свою первую летающую модель с двигателем на резинке. Вертолет, или геликоптер, как их тогда называли. Правда, в тот момент еще предполагалось, что Игорь вслед за старшим братом станет морским офицером, но юноша решил выучиться на инженера. Российские учебные заведения после событий 1905 года находились в кризисе и фактически не работали. Сикорский отправился в Мекку воздухоплателей – Париж, где поступил в Техническую школу Дювилье де Лано.

Было бы преувеличением сказать, что юный Сикорский, собираясь «в

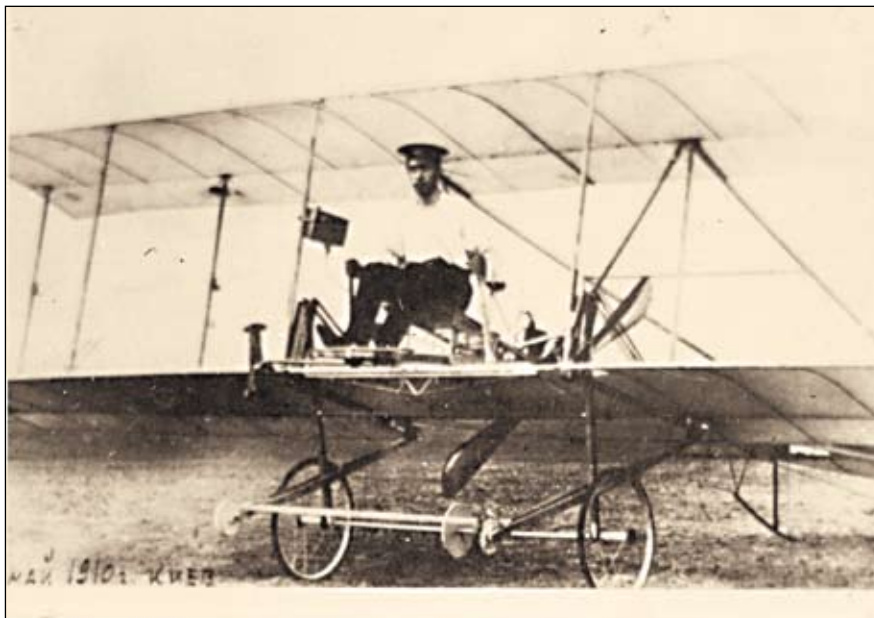
страну далече», был озабочен, найдется ли там православный храм. Этому возрасту в любую эпоху свойственна «церковная прохладность», даже если ты воспитан в твердой религиозной традиции. А то был к тому же канун серебряного века в России, то есть века

продержался в воздухе 2 часа 20 минут, преодолев около 130 километров. Вернувшись домой, взялся за воздушный корабль и Игорь. В июле 1909 года во дворе дома Сикорских появился первый в России вертолет. Правда, его подъемной силы оказалось мало. Вме-

сте с товарищем, Федором Былинкиным, они построили мастерскую на Курневском аэродроме, и летом 1910 года в воздух поднялся маленький биплан – БиС-2. Машина управлялась плоховато, но начало было положено.

Траектория судьбы Сикорского резко взмыла вверх, словно геликоптер со стартовой площадки. За два года он сдал на пилота, установил четыре всероссийских ре-

корда, создал несколько превосходных машин, в том числе самолет С-6, с мощным двигателем и трехместной кабиной. На нем Игорь, который всегда сам испытывал свои аппараты, поставил мировой рекорд скорости в полете с двумя пассажирами. Газетчики называли его «русским Фарманом». В 23 года Игорь Иванович – главный конструктор и управляющий Русско-Балтийского вагонного завода. Взлет карьеры невиданный! Воздушные аппараты Сикорского делают Россию ведущей авиадержавой. Первый гидросамолет, первый учебный самолет, первый пилотажный самолет, несколько военных аэропланов... Завод экспортирует крылатую продукцию и приступает к серийному производству.

Начало пути

фронды, эпатажа, свободы. Свободы для греха. Становилось чуть ли не хорошим тоном, особенно среди образованной части общества, всячески, как сказали бы теперь, дистанцироваться от религии. Да и ждала его отнюдь не христиански ортодоксальная столица. Однако молебен покровителю путешествующих святителю Николаю заказали, перед дорогой перекрестили и отпустили с Богом.

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ВЗЛЕТ

Надо сказать, что настоящие летательные аппараты поначалу мало чем отличались от игрушечных. В 1906 году француз Сантос-Дюмон одолел на своей машине около 200 метров. Два года спустя англичанин Уилбур Райт

Однажды в полете в жиклер карбюратора попал комар и вывел двигатель из строя. Изобретатель уцелел чудом: ему удалось приземлиться между железнодорожными вагонами и стеной. И он понял: нужны мощные машины, которые не зависели бы от подобных казусов. В марте 1913 г. Сикорский строит четырехмоторный гигант, «Русский витязь». Взлетит или нет машина весом в четыре тонны? Сколько продержится в воздухе? Даже заключались пари. 26 мая «Витязь» уверенно сделал несколько кругов над аэродромом и мягко приземлился в расчетной точке. Сам Государь пожелал ознакомиться с удивительной машиной и остался очень доволен увиденным. На память от Его Величества Сикорскому преподнесли золотые часы. Кроме того студент-недоучка, заваливший на экзамене начертательную геометрию, получил диплом Петербургского политехнического института, где не учился ни часу.

ПОСЛЕ РОССИИ

За годы Первой мировой войны Сикорский создал парк самолетов всех типов, используемых в военных действиях. Но в 1917 году рухнул фундамент, на котором стояла жизнь, – принципы, заложенные в него отцом, – верность Церкви, Престолу, Отечеству. Сотрудничать с большевиками Сикорский не захотел, да и он видел, что не нужен новой власти. Больше того: в начале 1918 года к нему пришел бывший сослуживец и предупредил: «Положение очень опасное. Я видел приказ о вашем расстреле». Это было очень похоже на правду: большевики старательно и поразному избавлялись от всех, кто составлял славу и гордость прежней России.

Новая страница биографии изгнанника началась во Франции, а через год продолжилась в США. Без средств, один (жена

отказалась ехать), он перебивался учительскими заработками. В 1923 г. Игорь Иванович создал маленькую фирму «Сикорский Аэроинжиниринг Корпорейшн». Ее вице-президентом стал ... Сергей Рахманинов, чья мировая известность послужила, по-нынешнему, брендом компании. Сам великий композитор купил акций на пять тысяч долларов, и смелый ход оправдался: появились деньги, и вскоре в небо поднялся двухмоторный биплан S-29. Машина, построенная в бывшем курятнике, стала одной из лучших в своем классе.

Сикорский в судьбах русских эмигрантов – это не просто отдельная страница, но целая глава. Надвигалась Великая депрессия, и чужестранцев ждали особо тяжкие времена. Игорь Иванович буквально спас многих своих земляков. Шеф-пилотом на фирме работал легендарный летчик Борис Сергиевский; Вячеслав Кудрявцев, барон Николай Соловьев, Георгий Мейер, Владимир Бари, Леонид Лапин руководили отделами. Сикорский говорил: «Они готовы умереть за меня так же, как я за них». «Русская фирма» считала своим долгом поддерживать даже тех соотечественников, которые не имели отношения к авиации. Кадровые офицеры флота трудились над чертежами,

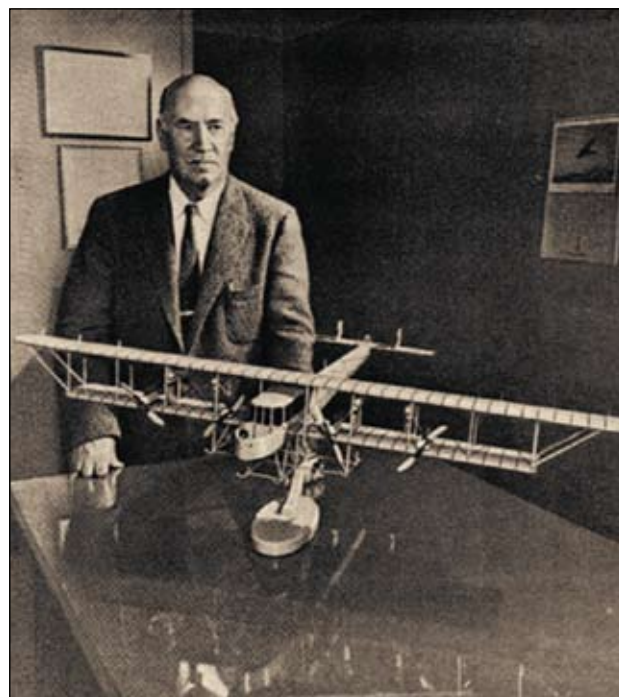
адмирал Б.А. Блохин служил простым рабочим, а казачий генерал С.В. Денисов готовил свои исторические очерки, работая ночным сторожем. «Бывшие» предпочитали селиться поближе к своим, и вскоре в Стратфорде, штат Коннектикут, где располагалась фирма, появилась мощная русская колония, со своей школой, клубом, больницей, множеством мелких заведений. Но, обустроив жизнь, почти никто из поселенцев не считал Америку «второй родиной». Все надеялись когда-нибудь вернуться домой¹.

Надежда немислима без веры. Выходцы из России находили опору в родном православии. Только это было православие нищее, странствующее, без красивых облачений, драгоценных окладов и золотых куполов. Да что там куполов – без стен. Но не зря говорят, что Бог не в бревнах, а в ребрах. В 1929 году эмигранты, сплотившиеся вокруг Сикорского, основали в частном доме на Лейк Стрит православный приход. Каждый прихожанин непременно жертвовал на нужды общины, но средства на строительство храма появились лишь через десять лет, когда дела «русской фирмы»

¹ Мечтал и Сикорский. Но «вернулся» парадоксальным образом: в фильме «Волга-Волга» снят гидросамолет его конструкции, который почему-то назван «советским».

Пока еще на Родине

За 42 года конструкторской работы Игорь Иванович Сикорский (25.5.1889 – 26.9.1972) создал 42 типа самолетов и 20 – вертолетов

СКРЕПЫ

Люби – и ты будешь поступать справедливо во всяком случае, сам того не замечая. Это духовное начало научит тебя, как поступать во всех стечениях обстоятельств.

Святитель Иннокентий, епископ Херсонский

уверенно пошли в гору. В 1941 году в Стратфорде был построен храм во имя святителя Николая. Сикорский всегда аккуратно посещал приходские собрания и богослужения. У него было «свое место» в храме, слева от алтаря. Репутация благотворителя не мешала Игорю Ивановичу оставаться очень скромным человеком. Однажды в разговоре американцы, не знавшие его в лицо, спросили, чем он занимается. «Работаю у Сикорского», – просто ответил тот.

ВЕЩЬ СОН

Салон летающего чуда – сорокапятиместного самолета-амфибии S-40 – это и был сон, увиденный им тридцать лет назад. Сон, который стал явью. К сожалению, правда, слишком поздно, ибо спрос на воздушные клиперы падал. В третий раз все пришлось начинать с нуля. Однако он покорило небо, создав самое любимое свое детище – вертолет. Первая машина поднялась в воздух 14 сентября 1939 г. По ее классической схеме сегодня строится большинство вертолетов. Трудно поверить, но когда-то ее считали бесперспективной.

Воздушным кораблям Сикорского не было равных. Но лучшим стал S-58, выпущенный в 1954 году. Многие из них летают до сих пор. Когда серийное производство достигло пика – 400 машин в год, Игорь Иванович ушел на пенсию, сохранив за собой должность советника фирмы. Чтобы вовремя уйти, требуются смирение и воля. С таким именем, как у него, можно было заработать еще

миллион, и не один, но зачем? Второй, счастливый брак, в котором у него родилось четверо сыновей, родной приход, книги – у Сикорского состоялось все, что нужно для достойной старости. Он и отошел ко Господу «непостыдной смертью» – уснул со скрещенными на груди руками. Как умирают праведники.

ДРУГОЕ НЕБО

История сохранила не много свидетельств обрядовой стороны церковной жизни Игоря Ивановича. Лучшим из них здесь можно назвать просто его жизнь. Скромность, смирение, отзывчивость на чужую беду, твердость убеждений, неподкупность, верность... Заложены с детства правилами жизни Игорь Иванович не изменял никогда, как бы трудно ему ни приходилось.

Но есть Сикорский-богослов, о котором известно еще меньше, особенно в сравнении с Сикорским-изобретателем. Он не вписывается в расхожее представление, что естествоиспытателю положено быть рационалистом, отрицающим Бога и Церковь. Рационализм Сикорского, присущий технарю, проявлялся в том, что он категорически отвергал главную иллюзию новейшего времени: раньше – коммунистическую, сейчас – потребительскую. Люди якобы неизбежно построят общество, где царят мир, достаток и благополучие, если только государство даст им разумные законы. Сикорский возражает: «...Ужасное моральное крушение человечества, свидетелями которого мы являемся, позволяет нам сделать заключение, что так называемый прогресс человечества на современном уровне жизни и в будущем не дает надежд на какие-либо успехи в духовной сфере».

Ментальность Сикорского богоцентрична и в самой своей основе скроена по православному образу. Он убежден, что цель человеческого бытия – в Преображении, в принятии Царствия Небесного. Еще в тридцатые годы он создал один из самых знаменитых своих богословских трудов – «Послание молитвы Господней»². В нем он доказывал, что в нескольких строках, заповеданных Христом, содержится исчер-

² Известны и другие богословские труды Сикорского: «Эволюция души», «В поисках вечного разума», «Невидимая встреча», «Небесная механика».

пывающий рецепт полноценной жизни на Земле. «Полноценной» – значит подчиненной воле Творца, включенной в Его замысел. В противном случае, по убеждению Сикорского, человечество окажется бессильно перед губительной опасностью духовного зла.

Личность, лишенная общения с Богом, утрачивает способность к развитию. Зато там, где это общение сохранено, открывается истинное предназначение человека. В XX веке, когда рухнули идеалы гуманизма, а единственной ценностью оказалась развязная свобода, Сикорский продолжал исповедовать власть Бога-Отца, то есть порядок и упорядоченность. Он находит подтверждение Божия бытия именно в устройстве материальной Вселенной. И, в частности, гравитацию считает отражением принципов, действующих в Царствии Небесном. «Земля вращается вокруг солнца и удерживается на орбите огромной гравитационной силой примерно в три с половиной миллиона триллионов тонн. Вопреки примеру буксируемых судов, в небесных телах каждая частица обладает силой притяжения, которая притягивает другие частицы. Даже самая мелкая песчинка или капля воды “огибает” воздействие каждой мельчайшей частицы Солнца и притягивается ей. Каждая капля крови в нашем теле притягивается каждой пламенеющей каплей раскаленного солнечного вещества». И далее Игорь Иванович перебрасывает мост от первого неба ко второму: «Механизмы небесных явлений уже немного проливают свет на то, что происходит в той Вселенной – не материальной, – которая выше нашего понимания, где притяжение, или гравитация, заменены доброй волей и любовью в их самом высоком значении...». Вселенная гораздо больше наших скромных представлений, в ней нет никакого хаоса, она населена совершенными бестелесными существами, – учит Церковь. Точно так же, считает Игорь Иванович, нет хаоса в душах человеческих, если они населены любовью, если они не выпадают из поля духовной гравитации. Ох, это если... Потому и не утратило актуальности сказанное Сикорским: «Нам нужно работать, а главное – учиться тому, что поможет нам восстановить Родину, когда она того от нас потребует».

Родина не требует. Она вопиет.

Дмитрий Шеваров

«Где вечная заря над головой струится...»

Это была одна из тех редких гармонических натур, для которых искание и воплощение красоты является делом естественным и безболезненным, потому что природа вложила красоту и в самые души их. Созерцательно-рассудочные, эти люди не нуждаются для своего творчества ни в сильных внешних возбудителях, ни в похвале, ни в борьбе, ни даже в постоянном притоке свежих впечатлений; шум жизни, напротив, бременит их, стесняет их фантазию, потому что запас их впечатлений держится и фильтруется долго и художественные образы складываются неприметно, медленно, точно растут из почвы. Мысли этих поэтов-созерцателей ясны, выражения просты и как бы отчеканены, образы скульптурны. Таков был у нас Крылов, таков был и учитель Майкова Гончаров, таков был и сам Майков...

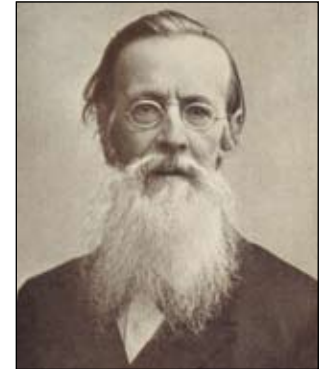
Иннокентий Анненский

Есть в нашей словесности поэты, память о которых почти стерлась, книги их давно не издаются, имена их, как археологические черепки, перебирают иногда лишь учителя литературы. Но вот что удивительно: стихами, строчками именно этих давно исчезнувших с читательского горизонта поэтов акупаются поколения. Бабушка окликает внука, а любящая мама – дочку. Моют они, к примеру, окно, и тут вспоминается:

*Весна! выставляется первая рама!
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса...*

Об авторе, конечно, и речи нет, но, кажется, он тихо улыбается с небес, радуясь тому, что его строчки и через полтора века живут в людях как заветный образ детства, родины, весенней заботы о домашнем очаге.

Аполлон Майков был дальним потомком преподобного Нила Сорского. Детство его прошло в сельце Никольском близ стен Троице-Сергиевой Лавры. Отец Николай Александрович, художник-самоучка, ставший академиком живописи, был ранен в Бородинском сражении. Аполлон воспитывался в евангельском понимании земной славы и никогда не хлопотал о ней, а когда она сама пришла к нему, искренне смущался

Аполлон Николаевич Майков (23 мая / 4 июня 1821 – 8/20 марта 1897)

ся этим. Но, думается, он был бы счастлив узнать, что многие поколения русских людей выросли под его колыбельные стихи, вошедшие во все хрестоматии, и в самую известную из них – в «Родное слово» К. Ушинского, которое только до революции выдержало около ста изданий. А сколько романсов написано на стихи Аполлона Майкова!

Мне могут сказать, что все это ушло, и ушло безвозвратно. Ребенок, выросший в глухом мире стеклопакетов, не понимает, зачем надо было выставлять первую раму, что тут такого интересного и радостного. Но печаль не в том, что в стихах XIX века современному ребенку что-то не совсем ясно. Это поправимо. А вот если сама музыка стиха его не тронет, если некому будет спеть над кроватью «Спи, дитя мое, усни!..», если вешней порой свежий ветер будет касаться нас прохладной ладонью, а из глубины памяти к нам ничего не прихлынет... Вот тогда, и правда, что-то очень важное прервется, и каждое поколение зависнет в одиночестве среди только этому поколению понятных кодов и образов. Сигнал, поданный отцами, не будет принят детьми, потому что просто не будет понят.

Майковы остались в истории русской культуры не только как выдающаяся плеяда художников, ученых и писателей (в недавно изданный словарь «Русские писатели» вошли статьи о восьми представителях рода Майковых!), но и как очень красивая и дружная дворянская семья, где не было проблемы «отцов и детей». Одним из символов родовой преемственности Майковых стало то, что здесь в каждом поколении одного из сыновей обязательно называли Аполлоном.

Свой первый стихотворный сборник 20-летний Аполлон Майков открывал посвящением маме:

*Тебе, которой были милы
Мой первый лепет, первый стих...*

Мама Евгения Петровна сама писала стихи и прозу. Ее произведения печатались в журналах. Но, пожалуй, с наибольшей си-

ШС и АПО

лой красота души этой замечательной женщины раскрывалась в письмах. Когда в 1842 году муж и сын отправились в заграничное путешествие (за первый свой сборник Аполлон был награжден премией в тысячу рублей), она писала им письма, полные нежности, грусти и свежести чувств. «Благодарю Бога, — пишет Евгения Петровна мужу, — что жизнь и лета не охладили совершенно мою душу... я забываю, что я счастливая мать взрослых детей, я забываю это, я хочу быть их товарищем и другом».

«Вот ты и в Риме! — пишет она сыну, — Там, куда давно влекло тебя воображение и твоя муза; не разочаровывайся совершенно, мой друг, смотря на Рим, обитаемый итальянцами. Увы, всему приходит черед. Слава и земное могущество исчезают, яко дым — но в Риме еще много осталось бессмертной славы; смотри на его обломки как поэт, философ... пиши, рисуй..., не предавайся только праздности и лени...».

Как удивительно, что четверть века спустя жена Аполлона Николаевича, Анна Ивановна, в письме к сыновьям почти дословно повторяет мысли и чувства своей свекрови: «Благодарю Бога за то, что хотя и немного, но привелось мне пожить с Вами одной жизнью, одними интересами, обменом мыслей не на бумаге только, а живой речью...»

Между старшим и младшим поколениями шел непрерывный диалог, о котором сейчас и напоминает огромная переписка Майковых. По этим письмам видно, как сокровенно и при этом очень открыто, распахнуто они жили. В их петербургской квартире (улица Садовая, д. 49, кв. 26) всегда находили приют и утешение люди, потерпевшие однажды какое-то жизненное крушение, или просто одинокие.

Наталья Владимировна Володина, автор лучшей на сегодняшний день монографии о Майковых*, пишет: «Дом Майковых чаще всего воспринимали не как кружок или салон, а именно как дом, семью, где интеллектуальные и творческие интересы органично сочетались с гостеприимством, радушием и безыскусностью отношений».

И какие имена мы находим среди тех, кого неоднократно спасало майковское тепло: Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров (он был домашним учителем Аполлона, а его знаменитая книга о путешествии на фрегате «Паллада» родилась из писем Майковым), Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Аполлон Майков был крестным отцом детей Федора Михайловича. «Добрый и единственный друг мой!» — так обращался к нему в письмах автор «Братьев Карамазовых».

Граф Арсений Голенищев-Кутузов вспоминал: «Аполлон Николаевич считал себя очень счастливым в своих личных связях и знакомствах и часто... выражал трогательную благодарность судьбе за то, что она постоянно сближала его с людьми, которых он

своей безгранично доброй улыбкой называл «прекраснейшими».

После этого странно узнавать, как беспощадно травили Аполлона Майкова некоторые его современники. Комья грязи летели в него со всех сторон. М.Е. Салтыков-Щедрин писал о Майкове и близких ему поэтах как о «людях второго сорта». Одни критики добивались от поэта бичевания «царского режима», другие — прямолинейного воспевания устоев, а он писал о подснежнике и ласточках, о сенокосе и рыбалке, о счастье жить на белом свете.

*...Вот — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка над водой —
Плеск — серебро и трепетанье...
О, в этот миг перед тобой
Что значит Рим и все его преданья,
Обломки славы мировой!*

Впрочем, у Майкова есть стихи «общественного звучания», которые иначе как пророческими не назовешь.

*...И мы пошли ломать. Трецало
Всё, что построили века...
Грядущее издалека
Нам среди руин зарей сияло...
И что ж? Как демоны в потемках,
Одни стоим мы на обломках:
Добро упало вместе с злом!*

* Н.В. Володина. Майковы. СПб.: «Наука», 2003.

*Все наши пышные идеи
Толпа буквально поняла
И уж кровавые трофеи,
Воя, по улицам влекла...*

Но поэтические пророчества — это была, к счастью, далеко не главная стезя Аполлона Николаевича. Он слишком сильно чувствовал гармонию мироздания, чтобы трещины на этом прекрасном и могучем сосуде воспринимать катастрофически. В дневнике он писал: «Я знать не хочу теогонии, теологии, эмбриологии и вообще начала вещей, ибо все-таки мы их никогда не узнаем; но христианский идеал — как бы ни создался он — был руководителем моей жизни... Все-таки чувствую великое в душе моей счастье, что жил я при свете этого солнца, что жил, сознавая на себе тяжесть долга к семье, к близнему, к отечеству...»

После оскорбительных эпиграмм или журнальной брани Майков мог растеряться, мог недоумевать, но он органически не был способен кого-то возненавидеть и даже всерьез обидеться.

*Боже мой! Вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! Блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...*

В одном из писем Аполлона Николаевича есть такие строки: «Если б меня спросили, чего я хочу для себя? — Осень Пушкина в Болдине 1830-го года — и ничего более».

И.С.Т.

Из стихов Аполлона Майкова

Люблю, если, тихо к плечу моему
головой прислонившись,
С любовью ты смотришь, как, очи
потупив, я думаю думу,
А ты угадать ее хочешь. Невольно,
проникнут тобою,
Я очи к тебе обрашу и с твоими
встречаюсь очами;
И мы улыбнемся безмолвно, как будто
бы в сладком молчаньи
Мы мыслью сошлись и много сказали
улыбкой и взором.

Август 1842 г.

* * *

Гони их прочь, твои мучительные
думы!
Насильно подыми поникший долу
взгляд!
Дай солнцу проглянуть в туман души
угрюмый,
И разорвется он, и клочья полетят,
Как привидения – а с ними мрак и
горе,

И жизнь в глаза блеснет, под золотым
лучом,
Как вдруг открывшееся море
Во всем своем просторе голубом!
15 октября 1890 г.

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там – сухое убирают;
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом.

В ожиданье конь убогий
Точно вкопанный стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя,
ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от
дома;
Мы спешили скрыться под
мохнатой елью...
Не было конца тут страху и
веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под
елью мшистой
Мы стояли точно в клетке
золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг
прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с
игол,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под
шнуровку...
Помнишь, как всё тише смех наш
становился?...
Вдруг над нами прямо гром
перекатился –
Ты ко мне прижалась, в страхе очи
жмуря...

Благодатный дождик! Золотая
буря!

1856 г.

* * *

Чужой для всех,
Со всеми в мире –
Таков, поэт,
Твой жребий в мире!

Ты – на горе,
Они – в долине;
Но – Бог и свет
В твоей пустыне.

Их дух привык
Ко тьме и ночи,
И голый свет
Им режет очи, –

Но ведь и им,
На самом пире,
Им нужно знать,
Что есть он в мире,

Что где-нибудь
Еще он светит,
Что воззовешь –
И он ответит!

1872 г.

и С и А

ПУСТЫННИК

И ангел мне сказал: иди, оставь их
грады,
В пустыню скройся ты, чтоб там
огонь лампыды,
Тебе поверенный, до срока убережь,
Дабы, когда тщету сует они познают,
Возжаждут Истины и света
пожелают.
Им было б чем свои светильники
возжечь.
1883 г.

* * *

Улыбки и слезы!.. И дождик и
солнце!
И как хороша –
Как солнце сквозь этих
сверкающих капель –
Твоя, освеженная горем, душа!
Май 1889 г.

* * *

...Теперь то время мне
Является всегда каким-то утром
длинным,
Особым уголком в безвестной
стороне,
Где вечная заря над головой
струится,
Где в поле по росе мой след еще
хранится...

ВОСПОМИНАНИЕ

В забытой тетради забытое слово!
Я всё прожитое в нём вижу опять;
Но странно, неловко и мило мне снова
Во образе прежнем себя узнавать...
Так путник приходит чрез многие
годы
Под кровли отеческой мирные своды.
Забор его дома травую оброс,
И привязи псов у крыльца позабыты;
Крапива в саду прорастает меж роз,
И ласточек гнёзда над окнами свиты;
Но всё в тишине ему кажется вкруг –
Что жив еще встарь обитавший здесь
дух.

7 июня 1838 года
Ораниенбаум

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
О горе быллом
И первые грезы
О счастья ином...

1857 год

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи
Я подымаю от земли:
В лазури тёмной к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальнем
Как будто благовест идёт, –
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...
1855 год

ОБЛАЧКА

В легких нитях, белой дымкой,
На лазурь сквозясь,
Облачка бегут по небу,
С ветерком резвясь.

Любо их следить очами...
Выше – вечность, Бог!
Взор без них остановиться б
Ни на чём не мог...

Страсти сердца! Сны надежды!
Вдохновенья бред!
Был бы чужд без вас и страшен
Сердцу Божий свет!

Вас развеять с неба жизни, –
И вся жизнь тогда –
Сил слепых, законов вечных
Вечная вражда.
1857 год

* * *

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство ж вечное – лишь там.
1881 г.

У.С. и А.С.

«Земля ведь рай, и жизнь – тайна...»

Помню, несколько лет назад листал книгу отзывов на выставке Саврасова. На месте сотрудников галереи, я издал бы её как роман.

«Были. Причастились. Ушли просветленные...»

Анна из Петербурга: «Открыла для себя нового Саврасова. Как нужна нам красота в этой жестокой жизни...»

Лидия Смирнова из Кирова: «Саврасов помогает русскому человеку вспомнить себя и почувствовать боль за судьбу России, очищение надеждой. Как говорил своим ученикам Алексей Кондратьевич: «Побольше света!»

Студенты МГУ: «В изумлении полном уходим, чтобы вернуться. Оказывается, Саврасов – это не только «Грачи прилетели»...»

Галина из Вологды: «Счастлива, что живу в России, стране бесконечного богатства культуры. Хочется жить, радоваться, любить...»

Таймураз из Южной Осетии: «Подольше не закрывайте эту выставку, пока ее не посетят все жители бывшего СССР! Она необходима как воздух!»

Андрей из Москвы: «...Что мы видим? Русь серую, убогую, тихую, печальную, застенчивую – все то, что презирали и старались уничтожить прогрессисты и либералы. Прошли годы и столетия. И что? Эта Русь удивительно жива; трогательная, она хватается за сердце и вызывает бурю чувств, воспоминаний и умиления...»

Вера и Людмила из Пскова: «Мы уходим с выставки, унося с собой ча-

Каждую весну я прихожу в Третьяковскую галерею, чтобы увидеть, как грачи прилетели в село Молвитино, как Волга разлилась под Ярославлем, как радуга встает над селом, как туча вот-вот уйдет и солнце преобразит пустынный проселок с тревожными ветлами...

Саврасов – это для меня не только лишь имя художника... Это еще смутные стезжки памяти о раннем детстве. Репродукция в бабушкиной комнате. Жалость к мокрым вербам. Нахохлившиеся вороны на старых тополях. Наш огород в овраге. Первая любовь, нахлынувшая вместе с сырым мартовским ветром.

А еще – одинокие вечера в районных гостиницах, где убогий быт скрашивала копия саврасовской картины на стене. Как в стихах у Алексея Решетова:

***Ты только что встал на постой,
Прилег на казённой постели.
Приходит Саврасов седой:
Грачи, говорит, прилетели...***

стичку внутреннего свечения, которое открылось нам. Картины – продолжение тебя самого...»

Школьники из Нижнего Тагила: «Открыли для себя совершенно нового удивительного художника – незнакомого, но очень близкого и родного...»

Врач из Москвы: «Ну как же не любить Россию, коль у нее есть хотя бы один Саврасов!»

Геологи из Красноярск: «Картины Саврасова перевернули наши души, хочется часами любоваться на них и думать, думать...»

С.А. Шевелев из Новосибирска: «Удивительно, что такой художник, а о нём так мало известно...»

Второклассница Илона из Звенигорода: «Дорогой Алексей Кондратьевич! Мне очень понравились работы твои. Особенно «Грачи прилетели» и «Лес в инее». Огромное спасибо. Я ещё приду!»

Возвращаясь из Третьяковки от Саврасова, почему-то вспомнил один давний фильм, он до сих пор мне очень нравится – «Сто дней после детства». Там вожатый в пионерлагере показывает вечером ребятам слайд с леонардовской Джокондой. Вожатый просит их подумать над загадкой этой картины, а ребята говорят: ну какая тут загадка, сидит

себе женщина, да смотрит, да немного улыбается. Ничего загадочного. А вожатый все убеждает подростков: думайте, вглядывайтесь, ведь сотни лет люди ломали головы над таинственной улыбкой Джоконды...

Когда я в юности смотрел этот фильм, то благодарно был на стороне вожатого. Ну, как можно не считаться с тем, что общепринято. Это возможно только по недомыслию. Теперь мне думается, что ребята правы. Они сидели на скамейках, теплых от недавно погасшего летнего дня. Над ними были звезды, цикады вокруг звенели, прохладой веяло с реки. Вокруг все было исполнено истинными, Божьими тайнами, а их мучили Джокондой! (Сегодня, наверное, их мучили бы «Черным квадратом» К. Малевича.)

Как хорошо, что Саврасовым никого никогда не мучили. Даже когда мы писали сочинения в школе, учителя не говорили о символах и подтекстах и не требовали от нас что-то разгадывать. Они просто прикрепляли репродукцию с картины Саврасова повыше, чтобы и с последней парты были видны грачи, и говорили: «Напишите про весну...» И мы писали, грызли ручки, поглядывая то на картину, то на соседку по парте, то за окно, где росли такие же березы, как у Саврасова.

Правда, не было за нашим школьным окном храма и не звенели колокола, но звенели трамваи. И звон этот был внешним и свежим, совершенно саврасовским. Зимой ведь трамваи почему-то не

звонят. Они начинают звенеть в апреле, когда грачи прилетают.

Вот вам и загадка, над которой можно размышлять до самого звонка на перемену. А можно и всю жизнь вспоминать с радостью о том, что есть, непременно есть, какая-то связь между грачами и трамваями.

Та репродукция, которую доставала откуда-то из глубины шкафа наша учительница литературы Капитолина Михайловна, была наклеена на картон, и оттого сквозь саврасовскую весну проступала поздняя осень. Теперь мне даже непонятно, каким чудом эта бедная, пожулая на углах, репродукция производила на нас такое же впечатление, как если бы мы перенеслись в Третьяковскую галерею. (Вот еще одна тайна Саврасова. Или тайна детского восприятия?..)

Это сейчас я увидел, что репродукции Саврасова, даже самые качественные, доносят лишь эхо оригинала. Особенно трудно им передать саврасовские дали. А эти дали, эти просторы, полные воды, неба, воздуха, — они, кажется, были дороже художнику, чем то, что мы видим на первом плане. Саврасов почти не писал закрытых пространств — дворов, улиц, тем более — интерьеров. Его картины — как вздох странника. Так и слышишь голос Алексея Кондратьевича, обращенный к ученикам: «Что вы тут сидите в духоте? Ступайте

в природу. Уж распустился дуб... В Сокольниках фиалки цветут, а вы...»

Он был профессором в Училище живописи, ваяния и зодчества, но учил он странно — никого не наставлял, не ругал, не поправлял. Один из его любимых учеников Константин Коровин вспоминал: «Алексей Кондратьевич был огромного роста и богатырского сложения. Карие глаза выражали беспредельную доброту и ум. Человек он был особенной кротости. Никогда не сердился, говорил застенчиво и робко, как-то не сразу...»

Если другие профессора заставляли своих воспитанников целыми днями копировать старых мастеров, рисовать гипсовые головы и посиневших от холода натурщиков, то Алексей Кондратьевич, наоборот, гнал учеников из натуральных классов и хлопотал лишь о том, чтобы у каждого были добротные высокие сапоги для путешествий по весеннему лесу. Разглядывая этюды, он говорил: «А вот тут замучено, старался очень — не надо стараться...»

Его спрашивали: «А как же писать, с чего начинать?»

«— Не знаю, — опустив глаза, говорил Алексей Кондратьевич. — Нужно любить... Знайте веру, надежду и любовь — остальное приложится...»

На поздних фотографиях своих он похож на седого грача.

ЗДЕСЬ МОЖНО УВИДЕТЬ РАБОТЫ ХУДОЖНИКА

Государственная Третьяковская галерея
 Государственный исторический музей
 Государственный Русский музей (Санкт-Петербург)
 Ярославский художественный музей
 Таганрогская картинная галерея
 Калужский областной художественный музей
 Ивановский областной художественный музей
 Краснодарский краевой художественный музей
 Башкирский государственный художественный музей им. М.В. Нестерова
 Государственный художественный музей Алтайского края
 Государственный художественный музей Латвии

Из саврасовской мастерской были видны сокольнический парк, церковь Фрола и Лавра, а далеко на горизонте лежал синий лес.

«Земля ведь рай, и жизнь — тайна...»

Вехи жизни и творчества

Родился 12 (24) мая 1830 года в Москве, в купеческой семье.

1844. Поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, в класс пейзажиста К.И. Рабуса.

1849, 1852, 1855. Творческие поездки на Украину.

1854. На выставке в Академии художеств показывает картины «Вид в окрестностях Ораниенбаума» и «Морской берег в окрестностях Ораниенбаума», за которые присвоено звание академика.

1857. Женитьба на Софье Карловне Герц, сестре Константина Герца, художника и однокашника Саврасова, и Карла Герца, известного в то время археолога и историка искусства.

1862. Большая зарубежная поездка: Англия, Франция, Швейцария.

1867. Всемирная выставка в Париже.

1870. Умирает новорожденная дочь, это уже третья детская смерть в семье, остается только старшая, Вера. Тяжело заболевает жена.

1871. Создает свое самое знаменитое полотно «Грачи прилетели», которое экспонируется на первой выставке Товарищества передвижных художественных выставок. Огромный успех произведения стал причиной незаслуженного определения Саврасова как «художника одной картины».

1873. Участие во всемирной выставке в Вене.

1876. Начинается серьезная болезнь глаз, приходят другие недуги, возникает пристрастие к алкоголю. Семья переезжает в Петербург. Распадается некогда счастливый брак.

Начало 1880-х. Жизнь резко идет вниз. Увольнение из училища. Выселение из казенной квартиры. Случайные заработки. Случайные собутыльники.

1881. Последний раз участвует в передвижных выставках.

Начало 1890-х. Второй брак. Но ни новая семья, ни двое детей, рожденных от Евдокии Матвеевны Моргуновой, не приносят счастья. Алексей Кондратьевич продолжает тяжело болеть. Последние годы проводит в нужде.

1894. Получает помощь от Академии художеств — 100 рублей.

Умер 26 сентября (8 октября) 1897 года в Москве, в отделении для бедных Второй городской больницы. Похоронен на Ваганьковском кладбище. В некрологе Левитан назвал своего учителя «первым лириком отечественной живописи».

Печерский монастырь под Нижним Новгородом 1871

Деревня зимой. 1880-е

Сосны. 1880-е годы

Дворик. Зима. 1870-е

Чумаки. 1854

Дмитрий Шеваров

«Как хорошо уметь читать!»

С Валентином Дмитриевичем Берестовым мы познакомились во дворе у Чуковского. В тот летний день в Переделкине открывали после ремонта музей великого сказочника, и около дачи Корнея Ивановича собрались гости. Знаменитые поэты читали свои стихи о Чуковском. Детям было жарко и скучно. Им хотелось бегать за бабочками и лазать по деревьям.

Когда очередь выступить дошла до Валентина Дмитриевича, он прочитал короткое стихотворение, а потом сказал: «Айда!..» и махнул рукой. Взрослые не сразу поняли значение этого жеста, а дети облепили Берестова и веселым роем отправились в сосновый лес. Туда, где в 1960-е годы Корней Чуковский устраивал свои знаменитые костры.

Мы с дочкой шли под соснами за светлой курткой Берестова, над нами упоительно пели птицы, и мне

Валентина Берестова нарисовал художник Лев Токмаков

очень хотелось сказать Валентину Дмитриевичу что-то важное, от самого сердца.

Он неслышно шел впереди по мягкой сосновой хвое, а важные слова у

меня не находились. Так мы и шли в глубину леса за Валентином Дмитриевичем, а заговорить я робел.

Запыхавшись, поэт сел на бревнышко. И вот тут мы с дочкой не растерялись и сели рядом и выпалили Валентину Дмитриевичу, что нам очень сильно, просто ужасно нравятся его стихи.

Классик детской литературы так смущенно и радостно посмотрел на нас через толстые стекла очков, как будто никто раньше не хвалил его стихов. Валентин Дмитриевич даже покраснел.

Какое счастье – у нас была с собой книжка Берестова «Первый листопад». Дочка протянула её, и Валентин Дмитриевич написал на титульном листе: «Милой Асеньке в чудесный день в доме Чуковского на добрую память от автора. В. Берестов. 3 июня 1996 года. Дети пляшут, и поют соловьи».

Валентин Берестов

СЧАСТЛИВЫЙ ДОЖДЬ

«Поэт! Поэт!» – кричали вслед.
Поэту было мало лет.
Он не мечтал о славе.
Мечтал он о расправе
Со всеми, кто поэту вслед
Кричал: «Поэт! Поэт! Поэт!»

ЧИТАЛОЧКА

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо к бабушке идти:
– Прочти, пожалуйста! Прочти! –
Не надо умолять сестрицу:
– Ну, почитай еще страницу!

Не надо звать.
Не надо ждать.
А можно взять
И почитать!

БОЛЬНАЯ КУКЛА

Тихо. Тихо. Тишина.
Кукла бедная больна.
Кукла бедная больна,
Просит музыки она.
Спойте, что ей нравится,
И она поправится.

* * *

Две сестры глядят на братца:
– Маленький, неловкий,
Не умеет улыбаться,
Только хмурит бровки!

Младший брат чихнул спросонок,
Радуются сестры:
– Вот уже растет ребенок,
Он чихнул, как взрослый!

КОТЕНОК ХОЧЕТ В ШКОЛУ

Я – котик умный и весёлый,
Но никогда не видел школы.
Возьми меня с собою в класс:
Я помяукаю для вас!

* * *

Мой спутник – дождик! Ты в речной воде

Шипишь, как масло на сковороде,
И в луговой траве шуршишь, какмышь,
И в листьях, словно ветер, шелестишь.
И прежде чем я трону дверь ключом,
Ты на прощанье прожурчишь ручьём.

СЧАСТЬЕ

Гриб за грибом ложился в кузовок.
Я счастлив был, хотя валился с ног.
Но я ещё счастливее бывал,
Когда глаза в постели закрывал, –

И вспыхивало сразу предо мной
Всё, что скрывал от глаза мрак лесной,
Всё, что я, глядя под ноги, искал.
Кто в темноте ковёр цветной соткал
Из рыжиков, из белых и маслят?
Картинами такими тешит взгляд,
Работая тайком, не напоказ,
Художник, что живёт в любом из нас.

ПОДСОЛНУХ

Всё утро дождик.
Ничего весёлого.
Но есть у солнца друг.
Один из лучших.
Упрямо поворачивая голову,
Он ищет солнце, спрятанное в тучах.

ОПУШКА

Как будто всё, что есть в бору,
Собралось на опушке:
Здесь и лучи, и тень в жару,
И пение кукушки,
Грибы находишь поутру,
Несёшь малину в кружке...
Но не сидится мне на пне
И не ложится на спине
Средь света и простора:
А что таится в глубине,
А что томится в полусне
Таинственного бора?

Алексей Казаков

Зяблики поют – Бога славят

Посвящается Сергею Алексеевичу Курпянову, народному художнику России, автору картины «Зяблики поют»

Самую раннюю песенку зяблика я услышал в конце марта. Я даже точно запомнил тот день – 29 марта 2003 года, потому что тогда была суббота перед Крестопоклонной неделей. Во время всеобщей я поднялся на колокольню нашего Троицкого храма при детской больнице, чтобы звонить к выносу Креста.

Солнце уже зашло, но сумерки пока не наступили. Под деревьями кое-где лежал ещё снег, а из-под прошлогодней листвы уже проглядывала местами зелёная травка. Деревья еще не распустились, и сверху было видно, как важно ходят по нашему скверу вороны, как стайками перелетают с куста на куст воробьи. И как только зазвенел в вечерней тишине колокол, я услышал вместе с ним и другой звук – чистую и звонкую песенку зяблика! Его длинная переливчатая трель заканчивается звучной виньеткой, и я очень люблю эту жизнерадостную, как будто искромётную мелодию.

Я звонил, а зяблик пел. Я слушал песню зяблика, а зяблик слушал вечерний звон. Всякое дыхание да хвалит Господа!

И я думал про жизнь этой маленькой пташки семейства воробьиных. Какое

чудо! Маленькое рябенькое яичко лежало в свитом гнёздышке, из него вылупился птенчик, научился летать и петь. И вот теперь прилетает к нам и пением своим приносит радость в наш тихий больничный скверик. Дети в палатах, наверное, прислушиваются, и им становится легче и веселее. Но ведь все это неслучайно. Вспомнил я стихи святого старца Николая Гурьянова про белую церковь:

*Птички весело в ограде
В яркой зелени спуют,
Гимн Творцу земли щебечут,
Звонко, радостно поют.*

Однажды я сфотографировал зяблика – он слетел вниз, на дорогу, в укромном уголке Сокольнического парка. У него голубоватая головка, рыжая грудка, пёстренькие крылышки. Доверчивая и милая птичка.

Моя мама говорит, что ей слышится, как зяблик выпекает: «пою-пою-пою Богу моему, дондеже есмь!». И я тоже это слышу. Прислушайтесь и вы – залиvistую трель зяблика весной и летом можно услышать в лесу, в роще, в парке, в любом сквере.

19 июня 2005 года. День Святой Троицы

Привет от Бундура!

Помните, ребята, не так давно мы печатали стихи человека с необыкновенной и чудесной фамилией Бундур? Он доктор, живет на Севере, а в свободное от своих айболитских занятий время пишет стихи, рассказы, путешествует и любит животных. Впрочем, нет, животных он любит всегда. Как, наверное, и все вы. Недавно Олег Бундур прислал нам фотографию лошади и текст к ней. И стихотворение о том, как он вообще живет. Посмотрите, почитайте.

Это было у меня в путешествии. Там в селе Чаваньга живут десять диких лошадей. Их привезли в 1989 году из Якутии, чтобы они привыкли к здешним местам и климату и смогли потом работать. Но они оказались никому не нужны. Вот они и одичали, в руки не даются, но поскольку летом в тундре травы хорошей мало, они приходят пасть в село, где сочная травка. Они всегда проходили мимо избы, где я жил. А одна белая лошадь все косилась в мою сторону, не иначе как влюбилась, а я сидел на лавочке у крыльчатки, писал. И вот однажды, когда не было жокака, она

вдруг повернула ко мне. А так как сказали к ним не подходить, я вскочил на крыльцо и все снимаю, как лошадь ко мне приближается. А последний кадр – ее морда с волосатой верхней губой во весь кадр. Наверное, гостинец просила, а у меня не было ничего.

У меня событие: я лично познакомился с медведем. Он к нам приходил на помойку четыре раза, проламывал штакетник, я ремонтировал, а он снова. И вот сижу я на своём любимом крыльчатке, пишу – местное время 22.30, белые ночи закончились, но ещё можно читать-писать. Вдоль всего моего

участка течёт ручей, а за ним сразу дикий лес. Крыльчатку в пяти метрах от ручья. Так вот, сижу, поднимаю голову и вижу: перед мостиком в 7-8 метрах от меня стоит медведь, да нет, медведице! Огромный зверь. Фу! У меня душа ушла в пятки, ни жив, ни мёртв, но поднимаю фотик, нажимаю кнопку, объектив, выползая, зажужжал, медведь услышал, смотрит на меня, я на него. Нажать кнопку и сфотографировать я уже от страха не сообразил – заорал. Медведь дал дёру в лес.

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться
и непосредственно в редакции.

Подписные индексы:

43570 – в объединенном каталоге «Пресса
России»

16594 – в каталоге «Почта России»

Позвоните:

8 916 388 4188 или

8 926 105 105 4

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском
парке (ул. Красноармейская, 2, стр. 2 г)

Троицы Живоначальной в Хорошеве
(Карамышевская наб., 15)

подворье Спасо-Преображенского
монастыря (2-я Тверская-Ямская ул., 52)

Валаамского Троицы Живоначальной в Хохлах (Хохловский пер., 12)

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
(ул. Теплый стан, влад. 4, 6)

прп. Симеона Столпника на Поварской
(Поварская ул., 5)

св. мц. Татианы при МГУ (ул. Б. Никитская, 1)

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище
(ул. Советской Армии, 12, стр. 1, 2)

Воскресения Словущего на Успенском Вражке
(Брюсов пер., 15/2)

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово
(г. Долгопрудный, Парковая, 2)

Воскресения Христова в Сокольниках
(Сокольническая пл., 6)

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь
(ул. Б. Лубянка, 19)

Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря
(2-й Красносельский пер., 7)

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском
(ул. Церковная Горка, 26а)

вмч. Георгия Победоносца в Коптеве
(Б. Академическая ул., 33)

«Троицкая книга», магазин при Московском подворье
Свято-Троицкой Сергиевой лавры
(2-й Троицкий пер., 6-а, стр. 1)

Иверской иконы Божией Матери на Всполье
(ул. Б. Ордынка, 39)

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке
(Газетный пер., 15)

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими во-
ротаами (1-й Колобовский пер., 1, стр. 2)

царевича Димитрия при Голицинской (1-й Градской)
больнице (Ленинский просп., 8, корп. 5)

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь
(Крестьянская пл., 10)

Троицы Живоначальной в Останкине
(1-я Останкинская ул., 7, стр. 2)

подворье Спасо-Преображенского Соловецкого ставро-
пигиального мужского монастыря (Садовническая, 6)

свт. Николая в Хамовниках (ул. Льва Толстого, 2)

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском
(ул. Крылатские Холмы, 43)

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной
(Н. Басманная, 11)

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 4 (79) 2011
июль — август

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

- монах приказал: «Улыбаться!»
- расчищено имя Андрея Рублева
- лошадь, которая влюбилась

**Тема номера:
МОЖНО ЛИ СПАСТИСЬ
ТОЛЬКО С ПОМОЩЬЮ БОГА?**